ПРОФ. В. Н. БОЧКАРЕВ

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ XVIII ВЕКА.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ XVIII ВЕКА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ 1762 — 1768 г. г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОКТЯБРЬ»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Главы: Стран.

Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Богословскому на память от автора 7/X 923.

ПРОФ. В. Н. БОЧКАРЕВ.

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ
В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ XVIII ВЕКА

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
XVIII
ВЕКА

ПО МАТЕРИАЛАМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ
1762—1768 г.г.

1923
Издательство „ОКТЯБРЬ“

Многоуважаемому Михаилу Николаевичу Покровскому на память от автора 4/X 930

Обложка художника Б. Новоселова. Клише изготовлено в фото-цинкографии газеты „Тверская Правда“. Книга набрана и отпечатана во II-й Гостипографии.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Екатерининскую Законодательную Комиссию 1767—68 г.г. без малейшей натяжки можно назвать русским парламентом XVIII в., так как по своему составу она ближе всего подходит к тем представительным учреждениям, какие сложились в Западной Европе в период господства в ней сословной монархии, т. е. в XVI—XVIII в.в. В Российской империи с средины XVIII в. вполне явственно замечается переход от полицейского государства к сословно-монархическому с явным преобладанием дворянства. Законодательная Комиссия созвана была Екатериной II как раз в тот момент, когда этот переход стал обнаруживаться все с большей и большей настойчивостью. Вот почему политические проблемы, выдвинутые как избирателями, так и депутатами различных сословных групп, представляют громадный исторический интерес. Ведь здесь впервые вскрылась в крупном общегосударственном масштабе политическая идеология чуть не всего населения страны. Изучить эту идеологию, проанализировать ее под углом зрения классовых интересов, которыми проникнуты заявления избирателей и депутатов и тем подвести под вопросы политики в русском парламенте XVIII в. твердый социально-экономический фундамент—ставит себе ближайшей целью предлагаемая работа.

1923 г.
7 Мая.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

Классовые предпосылки политической идеологии в России XVIII века.

XVIII-ому столетию в истории России бесспорно принадлежит наиболее крупное и значительное место. Ведь это было время быстрого органического роста новых экономических отношений в стране, которая не могла дольше существовать в условиях старого почти натурально-хозяйственного быта. Острая потребность в торговом обмене, как внутреннем, так и внешнем, в связи с абсолютным перенаселением, дававшим себя знать к средине XVIII века главным образом в центральных местностях государства, неизбежно приводила к географическому и общественному разделению труда и к зарождению крупной промышленности в районе Окско-Волжского междуречья. Тяга к морю в эпоху Петра Великого и Екатерины II являлась, таким образом, вполне здоровой экономической тенденцией вновь сложившегося народно-хозяйственного строя. А раз в руках России были открытые двери в Западную Европу через Черное и Балтийское моря, то уже немыслимо было ставить какие либо препоны более тесному общению ее с культурой крупных европейских государств. Эта культура питалась соками новых городских торгово-промышленных или буржуазно-капиталистических отношений, приходивших постепенно на смену прежнему феодаль-

ному быту, не только в Западной Европе, но и в самой России. Вот почему говоря о развитии в России XVIII века капитализма, мы никогда не должны упускать из виду, что этот новый могучий хозяйственный фактор вызывал к жизни совершенно иную идеологию, диаметрально противоположную той, которая господствовала в Московском государстве XVI—XVII столетий.

Облик царя „сильножителя“ повелевавшего „хотение свое творити повинным от Бога рабам“, уходил все больше в область исторических преданий. Прежние рабы стремились теперь к сословной вольности, к политическому самоопределению или по крайней мере к постоянному участию в государственном строительстве, путем создания новых выборных местных и центральных учреждений. Пусть эти стремления не были облечены в форму законченных политических трактатов, а являлись лишь скромными в правовом отношении пожеланиями небольших групп и даже отдельных лиц, но от того их удельный исторический вес отнюдь не становится меньше. По всему видно было, что прежний государственный строй переставал соответствовать новому реальному соотношению сил в стране. Экономика, таким образом, неизбежно влияла на политику, вливая иное идейное содержание в материальную структуру публично-правового характера.

Наиболее ярким показателем политических стремлений русского общества средины XVIII века бесспорно являются материалы Законодательной Комиссии 1767 г. Широкая масса избирателей сказала свое слово по поводу назревших государственных преобразований в наказах, данных в руководство выборным депутатам, а депутаты, представлявшие интересы различных сословий, обнаружили свою политическую идеологию в произнесенных речах и представленных письменных мнениях, о которых мы узнаем по протоколам Большего собрания. Сопоставляя между собою то и другое, мы можем в конце концов набросать схему той политической реформы, которая рисовалась в более или менее законченном виде русскому обществу начала царствования Екатерины II.

Но говоря о политических стремлениях различных общественных групп в России 60-х годов XVIII века, мы ни на минуту не должны забывать, что сама верховная власть в то время иначе смотрела на свою природу и права, чем за 100 или 200 лет перед тем. Для Екатерины II отношения к подданным рисовались совершенно в иной плоскости, чем Ивану Грозному или Петру Великому. Очевидно новый хозяйственный строй давал себя знать не только внизу—в гуще общественной жизни, но и наверху—на острие политической пирамиды. Государственно-правовые воззрения Екатерины II отлились в довольно законченную форму на страницах ее Большого Наказа, сопоставление соответствующих мест которого с аналогичными заявлениями избирателей и депутатов лучше всего помогает нам разрешить интересующую нас научно-историческую проблему.

I.

Политические устремления Екатерины II при ее воцарении в 1762 г. и перед созывом Законодательной Комиссии в 1766 г.

В Законодательной Комиссии 1767 г. впервые после прекращения созыва Земских Соборов, еще при царе Алексее в средине XVII в., получили возможность встретиться и высказаться по назревшим политическим вопросам верховная власть в лице Екатерины II и русское общество в лице различных сословных избирателей с одной стороны и депутатов, выбранных ими для составления проекта нового Уложения, с другой. Каково же было то настроение, которым охвачены были как правящие сферы, так и общественные круги в период предвыборной компании. Уяснение этого настроения прежде всего облегчает нам анализ тех политических планов, которые исходили от разных сословных групп в виде общей реформы государственного и общественного строя России средины XVIII в.

Обязанная короною дворянской гвардии, достигнув трона чисто революционным путем, императрица Екатерина II в манифесте 6 июля 1762 г. оправдывалась тем, что устраняя законного императора, она исполняет „желание всех сынов отечества, явленое и нелицемерное". Таким образом признавая себя императрицею волею народа, Екатерина тогда же, при вступлении на престол, заявила свое „искреннее и нелицемерное желание" „прямым делом доказать" насколько она хочет „быть достойной любви народа", для блага которого она решила возложить на себя бремя правления [1]). Пять лет спустя, в манифесте 14 декабря 1766 г., она всенародно заявляла: „мы со дня восшествия нашего на престол до сего дня единственный предмет имели, и перед самим Богом обязанными себя почитали исполнить то, что мы в манифесте 6 июля 1762 г. императорским нашим словом наиторжественнейше обещали". В числе этих обещаний на первом плане было сохранение правосудия, искоренение зла и всяких неправд и утеснений и наконец желание „узаконить такие государственные установления, по которым бы Правительство любезного отечества в своей силе и надлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое Государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка". Поставив себе такую чисто реформационную цель, Екатерина должна была изыскивать средства к ее достижению. „Мы предписали себе, заявляет она в манифесте 1766 г., со всевозможным прилежанием входить в каж-

[1]) Бильбасов, В. А. „История Екатерины Второй": Т. 2. СПБ. 1891 г. стр. 82.

дое доходившее до нас дело, и слушать всякие до нас достигшие жалобы, дабы узнать с одной стороны недостатки, а с другой, каким бы лучшим способом достигнути желаемого и обещанного конца.“

Если в 1762 г. Екатерина II не чувствовала еще под собою твердой политической почвы и поэтому готова была давать своим подданным какие угодно обещания, вплоть до туманных намеков на конституцию, то ко времени созыва Уложенной Комиссии она успела приобрести некоторый правительственный опыт и была в значительной мере спокойнее за целость и неприкосновенность своей власти. На этот государственный опыт она прямо ссылается в своем манифесте 14 декабря. „Мы в первые три года узнали, что великое помешательство в суде и расправе, следовательно и в правосудии составляет недостаток во многих случаях узаконений, в других же великое число оных, по разным временам выданных, также несовершенное различие между непременными и временными законами; а паче всего, что чрез долгое время и частые перемены разум, в котором прежние гражданские узаконения составлены были, ныне многим совсем не известен сделался“. О том же твердом и спокойном настроении, в котором Екатерина приступила к созыву Комиссии, можно судить по словам манифеста 14 декабря. „Сим учреждением (т. е. Уложенной Комиссией) мы нашему народу опыт даем нашего чистосердечия, великие доверенности к оному и прямые материнские любви. Наше же утешение и облегчение великого бремени управления государственного будет то, чтобы видеть нам законы в своей силе и почтении, а правосудие в действии“.

В первые дни по восшествии на престол Екатерина прилагала все старания к тому, чтобы „предохранить целость империи“ и своей „самодержавной власти“, теперь через пять почти лет она уже не драпируется в тогу конституциализма, а выявляет себя сторонницей чисто деловой, реальной политики. „Сих депутатов, говорит она в манифесте 1766 г.,... мы созываем не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но и допущены они быть имеют в комиссию, которой дадим наказ и обряд управления для заготовления проекта нового Уложения к поднесению нам для конфирмации“. Этой совместной работой правительства с выборными от различных слоев населения императрица полагала возможным „лучше... узнать... нужды и чувствительные недостатки нашего народа“, по отношению к которому ее „первое желание“ заключалось в том, чтобы видеть его „столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастие и довольствие может на сей земле простираться“. Таким путем, по ее мнению, будет достигнуто „блаженство каждого и всех“, о чем она неустанно твердит в своем наказе, „по которому должны поступать те, кому от нас повелено будет сочинить проект нового Уложения“.

Итак карты были раскрыты: платить по политическому векселю, выданному на себя Екатериною под первым впечатлением дворцового переворота 28 июня 1762 г., она не имела намерения. Пусть депутаты сочиняют проект нового Уложения, но ничего решающего для верховной власти их предположения иметь не будут. Гордо и самоуверенно звучат поэтому заключительные слова манифеста 14 декабря 1776 г. „Итак со стороны престола поставляем милосердие за основание законов, и открываем дорогу к достижению правосудия; со стороны же любезных подданных наших ожидаем благодарности и послушания; чрез что сохранится благоденствие, тишина и спокойство государственное[1]).“

---

[1]) Полн. Соб. Зак. № 12, 801.

Те же ноты звучат и в 520-ой статье Большого Наказа, в которой самонадеянность императрицы достигает своего апогея: „Боже сохрани, чтобы по окончании сего законодательства какой народ был более процветающ и следовательно более счастлив на земле, намерение законов наших не было бы достигнуто, несчастие до которого мы дожить не желаем“ [1]).

II.

Политическая доктрина Большого Наказа Екатерины II.

Как виднейшая представительница просвещенного абсолютизма XVIII в. Екатерина II признавала, что „для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить“ [2]). Вот почему для Законодательной Комиссии 1767 г. она в качестве руководства составила свой, так называемый, Большой Наказ, в котором довольно полно отразились ее политические взгляды.

Самодержавие, по ее мнению, наиболее подходящая для России форма правления. „Государь—есть самодержавный“—кратко, но весьма решительно заявляет она. Для подтверждения этой мысли она приводит ряд неопровержимых, по ее мнению, доказательств. Основанием самодержавной власти признается ею прежде всего „Богом данное звание“. Вместе с тем она считает, что неограниченная форма правления больше всего соответствует в России естественному или физико-географическому положению государства. Наконец, она выдвигает аргументы телеологического характера или доказательства на основе целесообразности. Самодержавная форма правления, по ее словам, „более соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно“ [3]). Следовательно, никаких даже косвенных продположений об ограничении верховной власти Екатерина не допускает.

Но в понятие самодержавия, сложившееся в Московском государстве в предшествующие два столетия, она вносит нечто новое. Цель, или по ее выражению, „предлог“ самодержавного правления заключается не в том, „чтоб у людей отнять естественную их вольность“, но в том, „чтобы действия их направити к получению самого большого ото всех добра“. В этих словах ярко отражается теория просвещенного абсолютизма, в полном соответствии с которой она называет закон „простым и правым рассуждением отца, о чадах и домашних своих пекущегося“, а в первейшую обязанность правительству вменяет „дати всем гражданам надежное содержание, пищу, приличную одежду и род жизни, здравию человеческому не вредящий“ [4]).

Вслед за Монтескье, книгу которого „О Духе Законов“ Екатерина называла своим молитвенником, она в основу самодержавного строя кладет начала законности. В Наказе это обнаруживается прежде всего принципом самоограничения власти, проводимом, правду сказать, не в полной мере. „Есть случаи“, читаем мы в нем, „где власть должна и может действовать безо всякой опасности для государства в полном своем течении. Но есть случаи и такие, где она должна

---

[1]) Наказ императрицы Екатерины II, данной комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. Под редакцией Н. Д. Чечулина. СПБ. 1907. Памятники Русского Законодательства 1649—1839 г., издаваемые им. Акад. Наук II з. статья 520.

[2]) Ср. проф. Ф. Тароновский, „Политическая доктрина в Наказе императр. Екатерины II“. Сборник статей по истории права, посвященный проф. М. Ф. Владимирскому—Богданову. Киев. 1904. наказ Ек. II ст. 58.

[3]) Наказ Ек. II ст. 9, 625, 12, 4 и 14.

[4]) Jbid ст. 13, 452 и 346.

действовать пределами, себе ею же самою положенными". Твердой грани между этими обоими сферами Наказ, однако, не проводит. Самоограничение самодержавной власти вытекает не из ненарушимости чьих-либо политических прав, а из „вышнего искусства государственного управления", проникнутого чисто просветительными задачами. Первым моментом самоограничения власти является самоустранение монарха от непосредственного управления всеми государственными делами. При самодержавии, как его понимает Екатерина II, „государь есть источник всякие государственные и гражданские власти „и из его волеизъявления „проистекают все законы", но он отнюдь не должен „ведать лично все дела управления". Устанавливая закон актом своей непосредственной деятельности, монарх исполнение его поручает особым учреждениям, над которыми он имеет „главное надзирание". Менее всего самодержавный государь должен вмешиваться в отправление судопроизводства: „самодержец, представляющий и имеющий во своих руках всю власть, обороняющую все общество, может один издать общий о наказании закон, которому все члены общества подвержены; однако он должен воздерживаться от того, чтоб самому судить, почему и надлежит ему имети других особ, которые бы судили по законам" [1]).

Возложение исполнения законов на особые учреждения Наказ мотивирует чисто политическими соображениями. „Есть некоторая удобность в правлении: лучше чтоб государь ободрял, а законы бы угрожали". Из этого вытекает необходимость учреждения присутственных мест или как кратко замечает Екатерина II: „И так надлежит быти правительствам". Непосредственных отношений между подданными и монархом при этом, конечно, уже нет. „Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть государева". Такими „протоками" по Наказу являются „правительства" или учреждения бюрократические, в широком смысле слова, со штатом служащих из чисто профессиональных чиновников. Прежде всего в самодержавной монархии создается „хранилище законов", которым в России по Наказу должен быть Сенат. Деятельность всех присутственных мест, которым дается право входить к верховной власти с всеподданнейшими представлениями, должна неуклонно следовать закону. Ограничивать себя в интересах чьих-либо прав верховная власть, в трактовке Екатерины II, отнюдь не склонна. Политическая свобода или „государственная вольность в гражданине есть" только „спокойствие духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью". Для ограждения безопасности и свободы граждан необходима правильная организация суда. На его деятельности должна поэтому сосредоточиваться вся бдительность закона [2]). Не надо забывать, что главной целью просвещенной монархии XVIII в. было насаждение законности, выражавшееся в неуклонной борьбе с беспорядками управления, вытекающими из судебного и чиновничьего произвола.

Хотя при составлении своего наказа Екатерина II в значительной мере пользовалась книгой Монтескье, но она с ним коренным образом расходится в понимании вопроса о природе монархического государства. Монтескье был сторонником сословной монархии, в которой привиллегии различных сословий служат „неизменными" законами, посредством которых управляет монарх. Духовенство, дворянство и городское или третье сословие с их исторически сложившимися прерогативами были в глазах Монтескье теми сдержками, с помощью

[1]) Проф. Ф. Тарановский назв. соч. стр. 45—46, Наказ Ек. II, ст. 512, 513, 19, 511, и 149.
[2]) Jbid. ст. 515, 100, 20, 22. 21, 24, 39 и 98.

которых монархия оберегается от превращения в деспотию, а монарх удерживается в пределах законности. Теория монархического самодержавия, развитая в Наказе, имеет весьма мало общего с картиной сословно-монархического правления, нарисованной автором книги „О Духе Законов". Но все же хотя Екатерина II и не признавала политических прав за отдельными сословиями, она имела некоторое основание воспользоваться терминологией Монтескье для обозначения той государственной формы, сторонницей которой она являлась. Ведь в своей правительственной деятельности она руководилась просветительными идеями XVIII в. и постоянно высказывалась за отделение судебной власти от административной. Монтескье же, при наличии просвещения у государя и отделения судебной власти от исполнительной, признавал возможным данную форму правления называть монархией, а не деспотией. Однако, монархия Большого Наказа была не сословной, а бюрократической в духе консервативных построений германских полицеистов XVIII в., с их преклонением перед стройной системой чиноначалия. Так в дворянстве Екатерина II видит не политический элемент монархического правления, но лишь „нарицание в чести", которым „принято издревле отличать добродетельнейших и более других служащих людей"[1]). Следовательно исторически сложившуюся прерогативу сословий, которая, по мнению Монтескье, была существенно необходимым обоснованием монархии, заменяют в Наказе различные чины и звания, порученные отдельным членам этих сословий, как должностным лицам в государстве.

Итак самодержавная монархия, согласно политическим взглядам Екатерины II, была государством чисто бюрократическим, краеугольным камнем которого являлся принцип законности.

III.

Настроение избирателей в период предвыборной кампании 1767 г. Проявление оппозиции в Малороссии и в Прибалтийском крае.

Каково же было настроение избирателей в период предвыборной компании в Законодательную Комиссию 1767 г. Громадное большинство их восторженно отнеслось к призыву императрицы высказать через депутатов „свои нужды и чувствительные недостатки". В этом отношении все сословия, участвовавшие в выборах, были, можно сказать, солидарны.

Ростовские дворяне, напр., сочли необходимым сопроводить свои просьбы и пожелания оговоркой, что все это они „не иначе дерзнули предписать, яко долг имея всеподданнейшего послушания" и что они, благодаря императрицу за ее „матернее" о них, как о детях, попечение, предаются „безмолвно во всех нуждах и узаконениях в премудрое... высокомонаршее законодательство и благоволение". При этом дворяне—избиратели нередко обнаруживали боязнь, как бы их просьбы не вызвали неудовольствия со стороны императрицы. „Буде-же что е. и. в. из сих наших рабских прошений не угодных покажется", писали Малоярославецкие дворяне в наказе своему депутату, „то бы матерним милосердием, снисходя к нам, верноподданным рабам, милостиво простить и не поставить нам то в преступление, ибо мы, всеподданнейшие и нижайшие е. и. в. рабы, во всем повинуемся высочайшей ее... власти, что за благо повелеть соизволит". А Тульские избиратели от дворян обусловливали исполнение своих просьб тем, чтобы

[1]) Проф. Ф. Тарановский назв. соч. ст. 66. Наказ Ек. II. ст. 360 и 361.

они были „не в противность высочайшим желаниям". Самый созыв депутатов и дозволение подданных высказаться о своих нуждах являлись в глазах дворян—избирателей особенной, незаслуженной милостью верховной власти, выражением ее доброты, сострадания и отеческой заботливости о них, как о своих верных рабах. Так Юрьево-Польские и Шуйские дворяне поручают своим депутатам принести благодарность императрице „восчувствуя толь неизреченное всеавгустейшей... монархини милости, оказанные из высокоматерного е. в. ко всем нам, верноподданным рабам, милосердия, и подражая той ее... высочайшей власти, которою нас, верноподданных своих рабов. возводит в лучшее состояние и благоденствие от всевысочайшего своею о нас, своих рабах, соболезнования, не точию милостивым принятием о всех наших нуждах и недостатках прошений и представлений, но и паче всего в общую всех пользу предприятием государственных прав и узаконений" [1]).

Таким же раболепным восторгом проникнуты избиратели и других сословных групп: „Если-б мы,—говорят Волоколамские купцы,—не надеялись на матернее е. в. к подданным милосердие... то-б устрашиться должны, будучи всем снабденные и в защищении премудрой государыни обитующие, вновь желаниями и просьбами беспокоить высочайшую императорскую персону. Но когда е. в.... советом промысла Божия, благоизволилось сверх нашего чаяния, произвесть своих подданных еще в лучшее состояние... то мы, повинуясь... к подданным милосердному е. в. повелению, выбрали от города депутата". Или как заявляют избиратели г. Рузы: „мы находимся недостаточными, чтоб е. и. в. всемилостивейшей нашей государыне, за толикие матерние ее к нам милосердии, которыми призывает нас во общества толь великого и богодухновенного дела, принести всеподданнейшую нашу рабскую благодарность". Купцы вообще стараются уверить верховную власть, что они „подданные в верности к ней непорочны", что свои просьбы „матери отечества и покровительнице" они „приемлют дерзновение принесть не иначе, как в единое... высокомонаршее соизволение, повергая себя к стопам е. в. со всеглубочайшем... подобострастием и с достодолжным... благодарением за высокомонаршее... о всеподданных рабах попечение". Лишь иногда купеческие наказы говорят без обычного подобострастия. Так наказ г. Углича, в составлении которого принимало участие приходское духовенство, приказные, разночинцы и купцы, поручает своему депутату „требовать милостивого рассмотрения" нужд города, „а если это паче чаяния и залишне признано будет, о том изъясняться подлинным... обстоятельством, что жители... города то все общим советом представить рассудили потому, паче, чтобы всякое до оных касательство и нужды при установление узаконений явственно были и, в чем можно, право законное получили" [2]).

Сельские избиратели, в составе которых можно наметить следующие три группы: казаки, однодворцы и старых служб служилые люди и, наконец, крестьяне разных наименований, за исключением, конечно, владельческих или крепостных, охвачены также восторженным настроением, узнав о созыве депутатов в Комиссию о сочинении Нового Уложения. Казачество, напр., едва дозволяет себе „всерабски просить" об удовлетворении своих нужд. А однодворцы и старых служб служилые люди считают себя „безгласными" и всенижайшими" ра-

---

[1]) Сборник Русского исторического Об-ва. СПБ. 1869. Т. 4. стр.—357, 327. 410, 317. 318 390, 391. В дальнейших ссылках будут делаться указания только на тома и страницы, где помещены материалы, относящиеся к Законодательной Комиссии 1767 г.

[2]) Т. 107, стр. 71, Т. 93, ст. 370. Jbid ст. 581.

бами, беспрекословно повинующимися всероссийским самодержцам, от которых они „ожидают рассмотрения их прошений и милостивой резолюции“. Избиратели от крестьян, как черносошного севера, так и других местностей государства, видят свой „рабский“ долг в беспрекословном повиновении носителю верховной власти. Они тронуты тем, что „матерним милосердием“, до них „всенижайших верноподданных“ нисходя, Екатерина II „соизволила выслушать... наши нужды и отягощения, чего они с охотою желали“. Исполняя это свое затаенное желание, они и об'явили свои нужды и недостатки: и отчего „отягощены, и кем обижены, и в чем их прошение“ об'явили „для общей мирской пользы, самую сущую правду, по христианской должности“. Можно вполне поверить искренности приписных к заводам крестьян, которые говорят: „когда мы, нижайшие—ныне матернего милосердия и обнародованного манифеста дождались и выслушали... велия радости наполнилися и всевышнего Господа Бога прославляем. И без всякого нам пристрастия свои нужды и недостатки... жалобою приносили от самой своей всекрайней нищеты и убожества и ожидаем матернего о нас... милосердия“ [1]).

Некоторый диссонанс в общее настроение избирателей внесли только две тогдашние русские окрайны—Прибалтийский край и Малороссия. Правда и здесь громадное большинство населения было настроено вполне лояльно, а духом оппозиции проникнуты были некоторые дворянские элементы и кое-кто из горожан. Источником этой оппозиции было желание дворянства удержать прежние права и привилегии, дарованные или подтвержденные в XVII или в начале XVIII ст., при присоединении этих областей к Российскому государству. Эти притязания Екатерина в письме от 3 мая 1767 г. к Малороссийскому генерал-губернатору гр. Румянцеву называла „умоначертаниями прежних времен, кои несходственны с общим добром“.

Эстляндское дворянство, не желая допускать к выборам землевладельцев русского происхождения, коренным образом нарушило присланный из сената „обряд“ под тем предлогом, что „будто-бы не отыскали такого просторного дома, в котором бы эстляндское дворянство могло поместиться для выбора предводителя и депутата“. Лифляндские дворяне были тоже „непреклонны“ и, по словам тамошнего генерал-губернатора Броуна, „находящихся в Лифляндии и действительно там имеющих свои деревни к баллотированию в товарищество не приняли потому единственно, что они в Лифляндском дворянстве не состоят“. О настроении дворянских избирателей Эстляндии и Лифляндии можно судить по позднейшим выступлениям их депутатов Ренненкампфа и Вильбоя. Оба они в заседаниях Уложенной Комиссии упорно отстаивали исключительные привилегии своего дворянства, не считаясь с тем, что Комиссия созывалась для составления общих законов, а не для подтверждения и расширения прав прибалтийских дворян. Сама Екатерина была всем этим крайне недовольна. „Господа Лифляндцы“, писала она гр. Румянцеву, „от коих мы ожидали примерного поведения, как в просвещении, так и в вежливости, не соответствовали нашему ожиданию“. При обсуждении в Комиссии их местных законов, они стали упрекать остальных депутатов в превышеннии власти, так что Екатерина, по ее собственным словам, об'явила им, что они подданные Российской империи, а она не Лифляндская императрица, а всероссийская [2]).

[1]) Т. 115. Стр. 27 Наказ жителей казачьих дач г. Козельска стр. 26 Наказ старых служ. люде г. Козельска. Т. 32. Стр. 257. стр. 280, Наказ от приписных к заводам государ. крестьян. Ср. стр. 285.

[2]) Соловьев С. М. „История России с древнейших времен“. Изд., „Общественная польза“. Т. 27. Стр. 313—314. Покровский И. М. „Екатерининская комиссия о составлении проэкта Нового Уложения и церковные вопросы в ней.“ Казань 1910. стр. 19—20.

О настроении Малороссийского дворянства можно судить по переписке генерал-губернатора Румянцева с Екатериной. Так 2 марта 1767 г. он сообщал: „Новый проект Уложения не производит здесь во многих больших такого действа и признания в. и. в. благоволения, не пременяет наклонности их, ни рассуждения. Многие истинно вошли во вкус своевольства до того, что им всякий закон и указ государский кажется быть нарушением их прав и вольностей; отзывы же у всех одни: „зачем бы нам там и быть; наши законы весьма хороши, а буде депутатом быть, конечно, уже надобно, только разве-б искать прав и привиллегий подтверждения". Шляхетство Нежинского и Батуринского поветов подали даже челобитную: „Повелеть вольными голосами купно с войском Сечи Запорожской изобрать гетмана".

Подобно Прибалтийским дворянам, Малороссийское шляхетство полагало, что Новое Уложение нужно только для великороссиян. Дворянство даже вело предвыборную агитацию среди „простого народа", т. е. казачества, „пользуясь его простотой". Оно внушало ему, что о вольности и о правах, как о первоначальном всем искать надлежит. По этому поводу в одном из своих донесений императрице гр. Румянцев писал: „Ваше и. в. не можете представить, до какой степени дошли здесь коварство и своевольство. Страннее всего, что неспокойная небольшая частица людей иначе о себе не отзывается, что они из всего совета отличные люди и что нет их сильнее, нет их храбрее, нет их умнее, и нет нигде ничего хорошего, ничего полезного, ничего прямо свободного, что-бы могло им годиться... Все, что у них есть, лучше всего". Он предлагал образовать из гвардейских офицеров следственную комиссию для расследования всех вообще непорядков, „тогда пресекутся все сумасбродства, фальшивые и несвойственные Малороссам республиканские мысли, и ограничится размножающееся вредное государству вельможество и шляхетство, заразившееся порядками Польши". Отклики предвыборных настроений Малороссийского дворянства заметны и в поведении его депутатов. Они, напр., „много тщеславились тем, что Лифляндцы им единонамеренны в удержании старых своих прав и вольностей". Румянцев имел случай разговаривать с ними во время отпусков и нашел их „пребывающими в их развращенных мыслях". Вожаком Малороссийской шляхетской оппозиции был черниговский депутат генеральный есаул Скоропадский, человек образованный и побывавший в чужих краях, мечтавший быть гетманом в Малороссии. О нем Екатерина писала Румянцеву: „он здесь себя ведет как волк, и ни с кем из наших знаться не хочет" [1]).

Если с политическим настроением дворянских избирателей, как местным властям, так и самой Екатерине, приходилось волей неволей считаться, хотя у Румянцева, по его собственному признанию, „не доставало терпения сим вралям далее попущать или инако с ними об'ясняться" и он „взял", по отношению к ним, „тон прямо начальничества, заставив молчать", а Екатерина успокоивала себя и Румянцева тем, что „хотя бы тот или другой уезд не дельные просьбы, как Стародубский, в наказ свой и внес, то надеяться можно, что самим депутатам их при действительном заседании в Комиссии стыдно будет пред прочими сильно стараться о таких пунктах, кои многолюдным собранием в посмеяние несомненно обращены будут", то оппозицию в других слоях населения начальство немедленно пресекало. Так на городских выборах в Погарах произошел сильный раскол между мещанством и шляхетством. Среди последнего роль агита-

---

[1]) Соловьев С. М. назв. сочин. Т. 27. стр. 319, 320, 321 и 324. Покровский И. М. Назв. сочинение, стр. 21—24.

тора играл войт Панас. На общем собрании горожан он выступил с такими заявлениями, „что не надобно слушать новизны и склоняться к ней, не надобно смотреть ни на какие сторонние страхи, что новизне перед стариною во многом стыдно и показаться, новизна того что в старину сделано, поправить не может". По словам донесения Румянцева, Панас „умышлял вперeть отвращение ко всякой перемене, касаясь толковать и рассуждать дерзостно прямо, коль в сочинении новых законов мало пользы ожидать надлежит". По предписанию Сената Панас был отдан под суд. В Слободско-Украинской губернии, позднее переименованной в Харьковскую, при выборе поверенного, т. е. выборщика, от войсковых обывателей в слободе Межерич, собравшиеся избиратели почти все единогласно выставили требование, чтобы была у них по-прежнему казачья служба, а новоположенный оклад был отменен, один же из обывателей, Яков Гринченко, громко сказал: „кто сей новый оклад положил, тот чтобы пропал на веки". Никакого другого наказа Межерицкие обыватели составлять не хотели. Все это легко об'яснялось тем, что в 1763 г. Украина лишилась своего казачьего устройства с выборными властями и с судом, по старинному казачьему праву, и была положена в подушной оклад, от которого освобождена была только казачья или полковая старшина. Такое настроение возбудило тревогу в местных властях и от губернатора Щербинина последовало предписание: 15 межирицких обывателей взять под караул и строго исследовать, по чьему наущению они дозволили себе такое противодействие властям, а Гринченко заковать в ручные и ножные кандалы и допросить особенно тщательно. Все кончилось тем, что Гринченко был наказан плетьми, а другой обыватель Вечерко высечен батожьем, остальным же в наказание было засчитано время пребывания их под караулом, со взысканием с каждого по 50 коп. штрафных денег [1]).

Итак за небольшим исключением для Прибалтийского края и Малороссии, преобладающими чувствами в настроении избирателей 1767 года были:

1. Желание во что бы то ни стало повиноваться призыву, раздавшемуся с высоты престола.

2. Благодарность верховной власти за оказанное доверие и милость.

3. Радость, что возможно наконец довести до сведения государя о своих чувствительных нуждах и недостатках.

4. Надежда, что всем претерпенным до сих пор бедствиям и испытанным злоупотреблениям, как от властей, так и от сильных людей, будет положен конец.

IV.

Проблема сословной монархии под пером избирателей от дворян, горожан, казаков и сельских учителей Законодательной Комиссии 1767—68 г.г.

При слабой сравнительно общности экономических интересов и значительном преобладании натурально-хозяйственных форм над меновыми или денежными, русское общество средины XVIII века неизбежно должно было делиться на многочисленные подчас довольно дробные социальные группы. Каждая такая группа обладала известными правами, что придавало общественной структуре России того времени довольно пестрый характер. Вполне понятно, что той же

---

1) Соловьев, назв. сочинение стр. 317—321. Багалей, Д. И.—„Очерки из русской истории" Выборы в Екатер. Комис. Харьков 1913. Стр. 110—113.

самой сословной пестротою должен был отличаться не только государственный строй, действительно существовавший в России в момент созыва комиссии 1767 г., но и тот идеальный политический порядок, о котором мечтали избиратели и депутаты, как о более совершенной государственно-правовой форме.

Так, например, дворяне Кашинского уезда представляют себе государство не иначе, как разделенным на сословия, во главе которых стоит „благородный корпус дворянский". Необходимо, чтобы „всякого рода людям, как дворянству, так и купечеству, равным образом и разночинцам, пожалованы были генеральные привилегии, дабы каждый род имел свои преимущества и один в другого прерогативы не вступал, и всякий-бы пользовался тем, чем будет привилегирован". Еще сильнее подчеркивают необходимость преобладания благородного сословия в реформированном политическом строе России крупно-поместные дворяне Московского уезда, говоря в своем наказе: дворянство „издревле яко корпус, составляющий с одной стороны силу, оборону и независимость государства, следовательно же и твердость правления государей своих, а с другой—заключающий собственные свои преимущества и безопасность в целости и непоколебимости державы их, отдавало всегда учреждение и сохранение оных по натуральному сему взаимству в полную волю и благое произволение самодержцев своих" [1]). Таким образом самодержавная власть и корпус дворянский взаимно друг друга поддерживают, неограниченная верховная власть в дворянском сословии имеет свою наиболее прочную опору, а дворянское сословие в самодержавной форме правления видит лучшую гарантию сохранения своих прав и привилегий. Между самодержавием и дворянством заключены, следовательно, прочный политический союз, основанный на обоюдности интересов того и другого.

Политическое значение дворянского сословия обусловливается историческими заслугами его, как исконного оплота силы и независимости государства. „Российское дворянство сочиняет главный чин сей империи и заслугами своими удостоилось особливой поверенности от своих монархов", почему и должно стараться, чтобы „чин дворянства, яко вернейший и усерднейший своему государю и отечеству, как для общей пользы всего государства, так и для дворянского благополучия на прежнюю степень преимуществ своих был возведен". Дворянство—это „камень, служащий основанием государству" [2]).

Хотя дворянам их сословные права большею частью представлялись проявлением милости самодержавной власти, однако прочность этих прав должна была быть, по их мнению, обеспечена законом. При сочинении Нового Уложения следовало постановить „право дворянское, чтоб дворянство имело свое преимущество... и тем-бы правом пользовалось, чем и отличено-б было дворянство от прочих родов... разного звания подлых людей". Некоторые дворяне при этом выражали мнение, чтобы „все учрежденные права, елико возможно, на... твердом основании уставлены были" и „к частым переменам не могли подвергнуты быть" [3]).

Итак помещики средины XVIII века наиболее совершенной государственной организацией считали сословную монархию, ярко окрашенную в чисто дворянский цвет, где другие общественные группы стояли бы на заднем, едва заметном плане.

---

[1]) Сбор. Ист. Об-ва. Т. 4. стр. 460 и 226.

[2]) Т. 4. стр. 298. Наказ Ярослав. дворянства. Т. 48. стр. 622. Наказ Рыльского дворянства.

[3]) Т. 8. стр. 495. Наказ Переславль-Залесского дворянства. Т. 4. стр. 312 Наказ Яросл. дворянства.

Купечество, так же, как и дворянство, представляло себе государство не иначе, как состоящим из резко отграниченных друг от друга сословий, каждое из которых имеет особые обязанности и соответствующие им права. „В обществе государства,—говорят Симбирские купцы,—состоят разного звания чины, яко члены государства“, почему и следует, по мнению Алексинских городских избирателей, „узаконить, чтоб каждый чин в всем государстве по собственному званию своему свою должность исправлял и в право купеческое ни под каким образом не вступал, что и священное правило повелевает: кто в какой чин позван, в том-же пребывает“. Отсюдо понятно, почему Брянское купечество считало необходимым, чтобы закон „в потомственные роды“ утвердил купеческие права „дабы всякий ведал своего класса определенные границы, а купеческим правом не пользовались“ [1]).

Однако современная действительность была далека от этого идеала. „Российское купечество,—читаем мы в Мосальском наказе,—перед прочим европейским городов мещанством в великом презрении находится для того, что положено в подушный оклад, потому и всякий называет, а особливо—дворянство „мужиками“, „у нас-де и свои таковые-ж мужики в подушном окладе есть“. „Если де и прибить, то и не велико бесчестье заплатить“. Ведь по справедливому замечанию Юрьево-Польских городских избирателей „нет никакой пользы и благополучия купцу называться купцом, когда у него все достояние из рук от‘емлется. Вся же купеческая слава и достохвальное комерции обращение процветает не от иного чего, как от свободной воли и беспрепятственного промыслу. Кто-бо может приходить от силы в силу, когда ему отовсюду ежедневно приключаются подрывы“ [2]).

Настаивая на своем значительном удельном весе в обществе, купеческие избиратели ссылались при этом на старину, отмечая свои большие исторические заслуги. Как член общества России, и „особливая часть“ его, купеческое сословие трудилось „в толиких случаях древних времен и для сохранения монарших интересов и для расширения пространства“ государства; его Петр В. „предпочитал особливою своею милостью“, да и „до днесь в всех государственных интересах и сборах е. и. в. на купцах утверждается“. Вот почему самодержавная власть должна была, по мнению избирателей г. Мосальска, „бедное всероссийское купечество“ вывести из его приниженного положения, чтобы оно, как „не последний в звании своем член, и впредь в таком презрении остаться не имело, но паче от всяких обид и нападков охранено было“. Или как просили жители г. Нерехты „дабы е. и. в. из своего милосердия соизволила пожаловать российское купечество, собрав, яко рассыпанную храмину, сравнить славою с прочими европейскими купцами и комерцию российскую и мануфактуры привесть... в цветущее благосостояние, а при том императорскою самодержавною властью оному купечеству пожаловать“—права и привилегии. Для этого мало увеличить штрафы за оскорбление купца; необходимо дать купечеству особые отличия „от подлых людей“: освободить от подушной подати и телесного наказания, от натуральных повинностей, а зажиточным купцам дозволить ношение шпаг и доступ ко двору. Богатейшие купцы на своих бедных собратьев тоже смотрели свысока и хотели, чтоб их не смешивали между собою. Или „за благо признается и за добрый в купечестве порядок почитается, чтобы торгующее... заграничными... и внутренними знатными торгами купечество от

---

[1]) Т. 107. стр. 544. Т. 93. стр. 310. Т. 115. стр. 391.
[2]) Т. 107. стр. 34. стр. 307. Т. 93. стр. 391.

мало имущих и неторгующих и ремесленных людей званием отличить и чтоб все первостатейное купечество называлось купцами, а пр. малоимущие и ремесленные люди назывались посадскими... и чтоб на списках писать... не смешивая званием... отчего первостатейному купечеству перед тем будут выгоды и не сможет из подлых называться тоже, что и я также купец, хотя который и следу купечества не имеет" [1]).

Вместе с тем купечество настаивает на том, чтобы „торговопромышленная деятельность была исключительным правом, привилегией одного только купечества". „Благородному дворянству и всякого рода разночинцам и крестьянам,— настаивали купцы,—торговать не дозволять и права купеческого и привилегиев не покупать и не иметь ни под каким видом, ибо всякий по должности и званию своему собственное свое имеет право" и „если нужно, чтоб российское купечество приносило отечеству полезный плод, то непременно должно другим всякого званья людям торговать запретить, а также и заводить фабрики". Считая тех, кто нарушают это сословное разделение труда и отнимают чужие сословные права „вредителями общества", достойными наказания и совершающими „непристойности", многие купеческие наказы, к своей просьбе о пожаловании сословных прав и привилегий в заключение с особым ударением прибавляют „и теми уже правами впредь никто, не будучи в купеческом достойнстве, пользоваться не мог" [2]). Следовательно, в глазах избирателей торгово-промышленного класса преобразованное на основе сочиняемого Уложения российское государство должно было быть сословной монархией, в котором бы купечество, занимая второе после дворянства место, пользовалось широкими правами, соответствующими его экономическому реальному весу в стране.

Сельские избиратели в период предвыборной кампании 1767 года мало касались вопроса о сословной монархии в целом. Они больше были заинтересованы своими чисто классовыми нуждами, хотя изредка и затрагивали тему о взаимных отношениях различных общественных групп между собой. Так казаки население государства мыслили, разделенным на сословия с прикреплением каждого из них к возложенным на него государством обязанностям. Они выражали желание, чтобы „при освещеннейшем закона положении" и „казачье войско... по особому от других, яко военнослужащих, званию... в законе особым родом положить". По их мнению императрица, так же, как „всем прочим верноподданным благоизволит по своему материнскому великодушию благочестием восстановить каждому блаженство, так бы и мы, последнейшие рабы, не могли от е. и. в. такого-ж достопамятного одарования лишиться, коими бы пользовались как мы... так и потомки наши в грядущие веки". Избиратели различных казачьих полков твердо стояли на том, что они составляют особое сословие, ибо они — военно-служащие, их „предки с незапамятных времен оказывали верную и нелицемерную службу... российским монархам против воюющих с Россией врагов и участвовали в всех подобных случаях, не щадя живота своего, проливали кровь свою, а наконец и головы свои слагали без всякого ослабления" [3]).

---

[1]) Т. 93. стр. 336. Наказ г. Ярославля стр. 220. Наказ г. Любима. Т. 107. стр. 34. Т. 93. стр. 515. Т. 107. стр. 547, 74, 248. [illegible]

[2]) Т. 107. стр. 547, 74, 248. Наказы г. Симбирска, г. Волоколамска, г. Новой-Ладоги. Т. 107. стр. 248—249. Наказ учителей г. Новой Ладоги. Т. 93. стр. 322. Наказ г. Кадуя. стр. 163. ст. Наказа г. Костромы 181 стр. Наказ г. Боровка стр. 213. Наказ г. Любима.

[3]) Т. 8. 149 стр. Представление от Четырех линий Сибирских казаков. стр. 203. Представление Чугуевского казачьего войска стр. 340. Представление казачьих войск стр. 318 ст.

Основываясь на этом, казачество хотело сохранения льгот и выгод, какие оно исстари имело. Конечно, прежде всего казаки стояли за сохранение своего старинного самоуправления: „суд нам иметь... по казачьему обыкновению, а о криминальных делах—военной коллегии“; гражданским-же властям, как „не знающим казачьих обыкновений, в казачьи дела не вступаться“. Точно также казаки считают за лучшее, чтобы командиры их по-прежнему были только выборные из их же среды, а не назначенные из офицеров регулярных полков, „дабы мы из того не могли чувствовать стыда“. Некоторые при этом добавляли, чтобы эти выборные командиры были уравнены с офицерством в дворянском достойстве и правах [1]).

Однодворцы и старых служб служилые люди, подобно казакам, были также сторонниками сословных прав и преимуществ. Они только считали несправедливым возвышение одного сословия за счет других, находя более правильным равномерное распределение выгод между всеми общественными группами. Бессословного же общества и они, подобно другим избирателям 1767 года, представить себе не могли. Так однодворцы считали большим для себя оскорблением уравнение их в правах с крестьянами и желали, чтобы они были „от той подлости отделены“, чтобы их „в равенстве с государственными крестьянами не полагать, а повелено-б было пред ними иметь какое ни есть преимущество“ [2]).

Эти свои притязания избиратели из однодворцев мотивировали ссылкой на старину, аргументируя подобно другим сословиям доказательствами чисто исторического характера. „Прадеды и деды и отцы наши, пишут, например, однодворцы Симбирского уезда в своем наказе, были природные российские дворяне, которые в прошлых годах жалованы в разных губерниях и провинциях в их помещечьи оклады землями и угодьями, також и крестьянами... и служили прежде рейторскую и драгунскую службу. А после остались отцы наши и жили на дачах предков наших и до первой переписи никто ни в каких окладах не бывали... А в прежнюю генеральную переписку деды и отцы наши... подавали сказки, почему... в подушный оклад однодворцами написаны... и об оном нашем Российском дворянстве, всяк о себе доказать может... Просим матернего милосердия, чтоб доказавших свое дворянство однодворцев из подушного оклада выключить и числить дворянами“. И старых служб служилые люди вплоть до засечных сторожей, занимавших, как известно, в XVII в. весьма скромное положение в служебной иерархии, высказывали чрезмерные сословные притязания. Так засечные сторожа дерев. Вялиц Лихвенского уезда в наказе просили от исправления разных „казенных и весьма многотягостных работ“ их и потомков „уволить и с крестьянством не числить, ибо, как по грамотам жалованным, предки... их издревле во крестьянстве никогда не бывали и крестьянского рабочего ига не несли, а находились при пасеках... как бы помещики, имеющие за собою по достатку своему крестьян, почему и им, следуя древнему положению, таковыми-ж, а не крестьянами должно счисляться“ [3]). Итак, эта категория сельских избирателей в сущности смотрела не столько вперед, сколько назад, уносясь в область далеких исторических воспоминаний. И однодворцы, и старых служб служилые люди думали в сущности о неприкосновенности старины, тех дедовских обычаев, которые коренились еще в государственном быту допетровских времен. Они не одобряли новшеств, которые вводило среди них петербург-

---

1) Т. 115. ст. 148. Ibid 4—68 стр.
2) Т. 115 ст. 196 Наказ однодворцев Свияжского уезда, стр. 214 Ibid.
3) Т. 115. ст. 197, стр. 14, 34, 91—92, 116—118, 189 и 216, ср. Т. 144, стр. 297.

ское дворянское правительство и которые клонились к сближению их с крестьянами и к уравнению с ними как в податном, так и в поземельном отношении.

Особенно не нравилось однодворцам введение среди них земельных порядков, одинаковых с крестьянскими, ибо однодворцы считали себя помещиками, а свою землю—наследственной служилой вотчиной; в некотором роде—неот'емлемой принадлежностью своего сословия; ее необходимо сохранить в его руках, как фонд, с которого оно несет свою службу государству. Земля—основа служебной годности однодворческого сословия, почему справедливость требует соответствия между размером службы и земельным обеспечением, некоторой уравнительности для всех однодворцев в этом обеспечении со стороны государства. Но внутри однодворческого сословия казалось вполне естественно предоставить самим однодворцам свободу распоряжения своими землями и даже передачу их по наследству. Этот земельный строй, столь привлекавший однодворцев, был в сущности ничем иным, как обломком старинной отжившей и омертвевшей поместной системы.

Что касается сельских избирателей, в тесном смысле этого слова, т. е. государственных крестьян разных наименований, то они в своих наказах не затрагивали вопроса о сословном устройстве государства. Очевидно их сознанию, в момент выбора погостных и уездных поверенных, чужда была идея государственного порядка в широком смысле этого слова. Им непривычно было иметь дело с такими в сущности отвлеченными понятиями, и сколько-нибудь значительных сословных прав в прошлом они не имели, так что и хлопотать о их восстановлении у них не было основания. Но совершенно иначе держали себя их депутаты, политический горизонт которых от соприкосновения с представителями других сословий становился во много раз шире. Вот почему для того, чтобы выяснить, хотя бы в самых общих чертах, отношение крестьян к проблеме сословной монархии, надо мысленно перенестись в заседание Большой Комиссии, где нередко в прениях принимали участие крестьянские депутаты, делая свои замечания или подавая свои письменные мнения.

Главный интерес казенных крестьян, как на поморском севере, так и в приуральском районе, сосредоточен был на земле, на том, чтобы ее не выпустить из своих рук и вновь составленным Уложением закрепить навсегда за крестьянским сословием.

Что же касается существовавшего в то время порядка владения наличными тяглыми землями, то на этот счет между зажиточными и бедными крестьянами существовало непримиримое классовое разногласие. Точка зрения зажиточных была такова:.... „имеющие к хлебопашеству рачение—заявляют они—участки свои ежегодно унавоживают и сверх того для распространения... хлебопашества прилагают неусыпные свои труды, чрез кои присовокупили.... пашни и покосов вновь из... лесов и болотных мест; а другие—прочие тунеядцы, не точию к тому какое рачение и старание имеют, но всегда обращаются в лености и мотовствах и оттого участки свои размотали и запустошили и пришли в скудость и к платежу податей в несостояние и просят, чтоб им те распашные и унавоженные земли поделить по душам"... Если произвести такой передел, то „впредь к умножению хлебопашества и к распространению земли такого старания и рачения прилагать будет никому неохотно и убытков иметь не для чего, потому что как рачительные распахивать, а ленивые в готовые входить и также опять проматывать и запустошать будут"... Наоборот, „если кто сколько

может распахивать и унавозить землю и она оставлена будет за ними без раздела и позволено будет владеть так, как и ныне владеем, по писцовым книгам, по наследству, то чрез то... ленивцы и моты от лености и мотовства удерживать себя... могут"... Кроме того бедные, не имеющие средств обрабатывать свои земли и платить с них подати, продажею и закладом своих участков состоятельным односельчанам могут выходить из затруднительного положения. Вследствие всего этого „крайнее желание у всех крестьян есть, чтобы государственным крестьянам между собою деревенских участков продажу и мену дозволить по-прежнему" [1]).

С другой стороны бедные „многодушные" и малоземельные крестьяне видели несправедливость в несоответственности своих податных обязанностей земельному обеспечению и настаивали на восстановлении нарушенного равновесия путем передела или податей, или земли. „Между крестьянством в деревнях и в пустошах по писцовым книгам и крепостям и другим сделкам пашенная земля с угодьями не в равенстве против написанных мужеского пола душ: у иных на одну душу владения против 2 или 3-х; в платеже подушном малоземельным и неимущим без подмоги за их души от имущих многое число земель...— без поверстки немалое отягощение и обида; а у иных на таковых-же участках земли—и душ не написано; и с таковых владений к выбору подушному в подмогу неимущества платят самое малое число, а иные не платят". Поэтому „бедные жаждут уравнения" [2]).

При всем различии этих взглядов на порядки владения тяглой землей, замечается единодушие между крестьянами во взгляде на самую землю и отношение к ней земледельцев. И зажиточные, и бедные одинаково готовы отстаивать неот'емлемость земли у крестьянского сословия и неотчуждаемость ее в некрестьянские руки. Но одни из них выставляют на вид право своего труда, затраченного на обработку земли, и с этой точки зрения наиболее справедливым считают господство вечно-наследственного трудового владения, с внутренним в пределах сословия земельным оборотом; этот порядок им кажется вполне обеспечивающим и государственные интересы. Другие же, наоборот, выдвигают на первый план право каждого податного крестьянина на равный с прочими доступ к земле в целях обеспечения его способности исполнять свой долг перед государством; с этой точки зрения наиболее справедливым кажется уравнение податных тяжестей и земельного владения. Те и другие не выходят из круга обычных крестьянских понятий о неразрывности земли и тягла, о естественной принадлежности земли земледельцу. Трудовая окраска крестьянских представлений о земле и земледелии выступает здесь следовательно с полной очевидностью.

V.

Проблема сословной монархии в речах и проектах дворянской фракции Законодательной Комиссии 1767—68 г.г. Крепостное право как главнейшая социально-экономическая предпосылка идеального государственного строя.

Так в сознании избирателей 1767 г. преломлялась проблема сословной монархии. Выборные ими депутаты еще с большей настойчивостью отстаивали ту же самую политическую позицию. Вообще на заседаниях Большой Комиссии

[1]) Т. 123, стр. 292, наказ Спасского погоста, Тотемского уезда.
[2]) Т. 123, стр. 237, 310, 317 и т. 115, стр. 351.

сословный вопрос с государственно-правовой точки зрения дебатировался чрезвычайно оживленно. Основанием для этого являлись те права, которыми и до того времени пользовалось дворянство и к превращению которых в привилегии чуть ли не кастового характера депутаты его прилагали не мало усилий. Прения, возникавшие по этому поводу с участием представителей решительно всех сословных фракций принимали довольно часто весьма обостренное направление. В этой полемике, особенно со стороны депутатов казачьих войск, однодворцев и других разрядов сельского населения, высказано было не мало крайне интересных и в высшей степени ценных замечаний по изучаемому нами вопросу. При этом необходимо заранее отметить, что чем ниже стоял тот или иной депутат на общественной лестнице, тем демократичнее были его политические взгляды и тем меньше было классовой исключительности в его государственно-правовых построениях. Можно сказать, что прения, возникавшие по этому поводу в заседаниях Законодательной Комиссии 1767—68 г. г., состаляют чуть-ли не самую яркую страницу в ее протоколах или дневных записках. Свой обзор этих живых, часто полных яркого драматизма, выступлений мы дадим в том же самом сословном порядке, какого держались до сих пор при анализе материала депутатских наказов.

Больше всего касались в своих выступлениях проблемы сословной монархии дворянские депутаты. Ведь они стояли на вершине тогдашней социальной пирамиды и перед ними раскрывался гораздо более широкий горизонт, сравнительно с депутатами других сословных групп, в виду их большой культурности и большой осведомленности в вопросах, относящихся к среде управления. Различия подданных по преимуществам, по словам дворянского депутата Политеки, „начинаясь от престола и кончаясь на последних чинах государства, умножают сияние и славу сидящих на престоле, утверждают послушание, почтение и верность к оным и величество аки-бы неприкосновенным делают“. А по мнению депутата Похвиснева „каждый подданный должен почитать свое право согласно воле монаршей“ и было бы излишне „пользоваться таким правом, о котором не предписала“ депутатам государыня. Депутат же Выродов выразился еще определеннее, сказав, что „единый государь свободен, прочих-же свободе надлежит быть законом ограниченной“. Наиболее либеральный из дворянских депутатов, Коробьин, развивал ту мысль, что права и преимущества дворянства допустимы лишь до тех пор, пока они не сталкиваются с волей самодержавного государя [1]). Таким образом, все только что перечисленные нами депутаты допускают возможность и даже необходимость в преобразованном государственном строе России, на-ряду с самодержавием или полной свободой государя, существования прав или ограниченной свободы граждан, под которыми они разумели—первенствующее сословие—дворянство.

При этом, дворянские депутаты гораздо яснее своих избирателей отличают гражданина от раба, а государя, который управляет на основе твердо установленных законов, и предоставляет некоторые, хотя и ограниченные, права сословиям,—от азиатского деспота, проявляющего полный произвол своей личности и требующего безграничного рабства подданных. По мнению, например, Ярославского депутата кн. М. М. Щербатова гражданин исполняет свои обязанности из любви своей к отечеству, а раб—из страха перед наказанием; свободное же исполнение долга гражданином гораздо более ценно, чем подневольное послушание раба. И другие депутаты, как-то Козицкий и Нарышкин, отстаивая право

[1]) Т. 36, стр. 346. Т. 4, стр. 191. Т. 36, стр. 13. Т. 36 стр. 308. Т. 32, стр. 480.

дворянина служить или не служить государству, касались той-же антитезы гражданина и раба, доказывая. что это право полезно для отечества, ибо свободная служба плодотворнее подневольной. Самое же понятие свободы гражданина так было формулировано депутатом Бантыш-Каменским: „вольность в обществе живущего человека есть право делать то, что к его собственному и общему благополучию служит". Вообще понятие о гражданине, о „сыне отечества", было у дворянских депутатов довольно ясным и общераспространительным. Этот „сын отечества", по господствующему среди них представлению, имеет особые обязанности, источником которых являются любовь гражданина к своему отечеству, защита государства от врагов, повиновение законам, честное исполнение своего дела и т. п. Кроме этих общегражданских обязанностей, на каждом „сыне отечества" лежат еще особые обязанности, вытекающие из его принадлежности к первенствующему сословию, но эти последние нераздельно сливаются в сознании дворян и с особыми „каждому сословию приличными правами" [1]).

Выясняя по речам дворянских депутатов представления их о самой структуре сословного государства, мы должны сказать, что в этом отношении они находились в полном контакте со своими уездными избирателями. Миргородский депутат Мотонис думал, напр., что для сохранения в обществе порядка и благосостояния законы должны предписать, чтобы каждое сословие имело свои пределы и пользовалось своим особым правом, отнюдь в право другого не вступая. А Курский депутат Стромилов подробно развивал мысль, что „лучший слуга государства—дворянин должен быть и лучшим его подданным". Обширное российское государство, по его словам, требует постоянного войска и многочисленных судей, для чего необходимо ему иметь людей добродетельных, разумных и просвещенных. Откуда же их взять, спрашивает он. И тотчас же дает такой весьма знаменательный ответ: „Выбирать достойнейших из граждан. Но с какой продолжительностью, с какими препятствиями и неудобствами бывают сопряжены такие выборы!", с пафосом восклицает Стромилов. Однако, ему известны и вполне разрешающие все сомнения средства: „в обширной монархии надобно быть особливому роду, который бы имел обязанность служить государству и из своей среды замещать власти средние, поставленные между государем и народом, и, который, будучи предназначен к тому природой, воспитывался бы в правилах и знаниях, приличных тому состоянию, какие он в государстве занимать будет, и предметом своего награждения ставил бы честь и славу, оставляя из вида покой и обогащение. Род этот и есть дворянство, т. е. род, посвятивший себя на жертву отечеству, с бытием и благополучием которого он составляет свое собственное бытие и благополучие. Он защищает отечество на войне своею кровию, он сохраняет покой его во время мира трудами и радением", он старается о сохранении безопасности и прочих сословий [2]).

Депутаты, принадлежащие к более древнему и следовательно к более знатному дворянству, вроде, напр., кн. М. М. Щербатова, выдвигали на первый план благородство дворянского происхождения, видя в этом первенствующем сословии особую, лучшую породу людей, более доблестных и самым своим рождением предназначенных к управлению государством. Так кн. Щербатов полагал, что „первое различие между состояниями произошло от отличной доблести некоторых лиц из народа. Потомки их равномерно отличались от других, ока-

[1]) Т. 36 стр. 20. Ibid ст. 15, 16. Ibid ст. 14.
[2]) Т. 36, ст. 61. Т. 4. ст. 206.

зывая услуги тем обществам, которых они были членами. Таким образом повторяемые в течении многих лет заслуги склонили народы и государей к одному имени и к чести происходить от столь доблестных предков присовокупить почтение дворянского звания". Дворянин—такой гражданин, которому при самом его рождении, отечество говорит: „ты родился от добродетельных предков; ты, не сделавший еще ничего мне полезного, уже имеешь знатный чин дворянина, поэтому ты, более, чем другие, должен показать мне и твою добродетель и твое усердие. Тебя обязывают к тому данные законами моими права, прешедствовавшие твоим заслугам, тебя побуждают к тому дела твоих предков. Подражай им в добродетели и будешь мне угоден". И другой раз тот же депутат сказал, что „государство тогда становится прочно, когда оно утвержается на знатных и достаточных фамилиях, как на твердых и непоколебимых столбах, которые не могли бы снести тяжести обширного здания, если бы были слабы, не взирая на свою многочисленность". Однако, среди дворян—депутатов, как и среди их избирателей, эта аристократическая идеология не пользовалась особым сочувствием: дворянство больше считало себя служилым сословием и на этой своей службе государю и государству основывало свои права на лучшее, первое и выгоднейшее положение в обществе, а не на древности своего происхождения. Справедливо—по словам деп. Протасова,—чтобы дворянство пользовалось перед другими большими преимуществами, т. к. оно не щадит себя к защищению отечества [1]).

Впрочем, убеждение в том, что только дворяне—люди благородные, а прочие подлые, чернь, было разделяемо чуть не всеми дворянами той эпохи. Только немногие из депутатов сумели возвыситься до той мысли, что всякое занятие—честно и что все граждане, добросовестно исполняющие свой долг, заслуживают одинакового взаимного уважения и внимания со стороны государства. Так один из мелких и захолустных, но образованных дворян—Миргородский депутат Мотонис, возмущенный аристократическими замашками кн. Щербатова и его единомышленников, развил однажды в комиссии светлые и замечательные по тому времени взгляды. Отечество, по его мнению, может сказать гражданину: „подлого у меня нет никого. Земледелец, мещанин, дворянин—всякий из них честен трудами своими, добрым воспитанием и благонравием. Подлы только те, которые имеют дурные свойства, производят дела, противные законам, непристойные своему званию, нарушающие общее спокойствие, и, наконец, те, которые, не радя о моем благе, жизнь свою препровождают праздно". Мотонис, как видно, хотел сказать, что унижает гражданина не занятие, не принадлежность к нисшему сословию, а нравственная испорченность и дурные поступки, возможные во всяком сословии, что благородство души зависит не от рождения, и общественного положения, а от личных качеств и дел каждого отдельного человека. Но в этом своем мнении он встретил мало сочувствия среди дворян. Только немногие и недавно попавшие в дворяне депутаты, как напр. Зарудный, Козельский и Михальч, вполне разделяли взгляды Мотониса и осмеливались напоминать знатным и богатым потомственным дворянам их исконное происхождение от простых людей. В большинстве-же своем дворяне—депутаты, равно как и дворяне—избиратели, считали благородство исключительной принадлежностью своего сословия и свысока, с презрением смотрели на „подлых" людей, представителей прочих сословий. От них дворянство сторонилось подальше, чтобы дворянское достоинство не поблекло и не „уподлялось" соприкосновением

[1]) Т. 4. стр. 206 и 150. Т. 32. ст. 448.

с людьми низкой породы и незначительного общественного положения. Для сохранения в чистоте и неприкосновенности дворянской чести и достоинства, дворяне мечтали еще более возвысить с помощью новых законов положение дворянского сословия в государстве, оградить его от примеси худородных людей, от лишенных соответствующего воспитания и гражданской доблести выходцев и выскочек из широкой народной массы. Они мечтали превратить дворянство в замкнутое общество избранных, лучших людей, куда было-бы трудно попасть обыкновенному человеку, если только он не был природным дворянином. Для этой цели великопородные потомственные дворяне, как кн. Щербатов, проектировали доступ в дворянство закрыть для всех, кроме рожденных от благородных родителей, да еще тех немногих счастливцев избранников, которые за „отменные услуги", оказанные государю и отечеству, будут в исключительных случаях самим монархом награждаться дворянским достоинством. Наоборот, люди, дослужившиеся до дворянского звания лично, считали за лучшее, чтобы в дворянство был всегда открыт доступ представителям других сословий, которые бы проникали в среду дворянства простым чинопроизводством по службе, как это и было узаконено Петром великим. Третьи, соглашаясь признать своими собратиям всех, которые уже приобрели дворянское достоинство вместе с обер-офицерским чином, на будущее время считали необходимым закрыть вход в дворянское сословие чрез выслугу чина. Наконец, четвертые находили достаточным просто затруднить доступ в дворянство для неблагородных и очистить сословие от людей, проникших в него хитростью и неправдою [1]).

Но расходясь между собой во взглядах на то, какими путями дворянское достоинство должно приобретаться и какими мерами ограждаться, дворянские депутаты, равно как и их избиратели, держались одинаково высокого мнения о самом дворянском достоинстве, которое казалось некоторым из них даже чем-то „священным, отличающим человека от всех прочих". Поддержание этого высокого достоинства оправдывает в глазах дворян те исключительные вольности, права и преимущества, которые они считают естественной принадлежностью своего сословия. Только одно это сословие свободно от принудительной службы государству, личных податей, натуральных повинностей, позорного телесного наказания, пытки, произвольного ареста, конфискации имущества. Только его личность, честь и имущество святы и неприкосновенны. Оно одно имеет право владеть населенными землями и себе подобными людьми, оно одно призвано господствовать в уездном управлении и суде. Оно имеет особое сословное самоуправление, для него должны быть установлены особые суды, смягчены наказания, учреждены казенные школы и банки, предоставлены чрезвычайные льготы в области хозяйства. Дворянин даже по внешнему виду и обстановке своей жизни должен отличаться от „подлости", от прочих подданных, как „благородный", добродетельнейший сын отечества, его доблестный защитник и лучший слуга государя. Он имеет право на особенное внимание со стороны монарха и усиленную заботливость со стороны государства; ибо его кровью и разумом, его подвигами и трудами создана Россия, добыта ее независимость, могущество и слава [2]).

Итак, политические возрения русского дворянства Екатерининского времени густо окрашивались сословным цветом и сильно зависели от его классо-

---

[1]) Т. 4. стр. 169. Ibid стр. 183 и 194. Т. 4. ст. 148—224. Т. 32. ст. 184—197. Т. 36. ст. 289—292, 332—343, 346.

[2]) Т. 4. ст. 205. Слова деп. Нарышкина ср. Т. 36. стр. 19. Т. 8-й ст. 104—105, срв. 231—234.

вого самосознания. Дворянство не думало о коренной перестройке всего русского государственного здания. Оно считало и старое здание царского самодержавия пригодным для жилья, но его оно хотело переделать по своему вкусу, так, чтобы в нем жилось поуютнее, поспокойнее и побогаче именно ему, дворянству, ибо, по выражению одного из дворянских депутатов, „сколь жалости достойно, если столь знатный, заслуженный и любви отечества достойный корпус дворян ... стеснен законами будет.“ Наоборот, Россию надо так устроить, чтобы этот „добродетельнейший корпус дворянский чувствовал“ во всем удовольствие, управлял всем государством и высоко парил над остальным „подлым“ народом [1]).

Что касается других сословий, то им дворяне отводили очень скромное положение в государстве. Купечество, по их мнению, должно выполнять свое государственное назначение, развивая и усовершенствуя торговлю, особенно внешнюю. Ему одному должно принадлежать право на оптовую торговлю и торговое посредничество, но за дворянами, разночинцами и крестьянами следует сохранить право мелочной торговли и продажи продуктов их собственного хозяйства. В противном-же случае купечество будет жить лишь за счет земледельцев, не принося пользы государству. Не следует также, по воззрениям дворян, допускать никаких торговых и промышленных монополий и давать особые льготы и преимущества откупщикам и фабрикантам. Нельзя последним, а тем более купцам, разрешать покупать крепостных работников. Но купечество можно освободить от различных натуральных повинностей и дать ему сословное самоуправление и суд. В его руках вполне естественно находиться и городскому управлению [2]).

Еще более скромное место в государстве отводили дворяне крестьянству. Правда, они признавали очень важное значение за земледелием и труд хлебопашца считали самым полезным и тяжелым, за исключением, впрочем, воинского подвига самих их, дворян. „Хлебопашцы, говорил в Комиссии дворянский депутат Толмачев, должны денно и нощно в поте лица получать свое пропитание, переносить летний зной, зимнюю стужу и терпеть всю суровость осеннего воздуха ... Все же эти великие труды они несут не для одного своего прибытка, а для пользы людей всякого звания.“ „Всякому изобилию в обществе, по мнению деп. Мельгунова, споспешествуют больше всего земледельцы своим хлебопашеством.“ „Земледельцы—души обществу,“ по выражению деп. Коробьина. Они заслуживают заботы и покровительства со стороны государства, нуждаются в облегчении их бремени. В этих целях крестьянам, по воззрениям дворян, следует предоставить свободно продавать продукты их хозяйства и заниматься ремеслами, но, в интересах народного хозяйства и для пользы всего общества, крестьян необходимо держать в строгой опеке, или со стороны правительства, или же со стороны помещиков. Первый способ опеки применим к государственным крестьянам, второй—к крепостным. Что касается первых, то правительство должно смотреть, чтобы крестьяне не ленились бы и не бросали земледелия. „Лень и нерадение так далеко у нас вкоренились, что из многого числа едва некоторая часть найдется, которая бы без принуждения хотела земледелие с ревностью отправлять“. Если бы даже земля принадлежала им в собственность, то „надобно ожидать от нашего народа, что по большей части вся пуста останется,“ как это и видно на примере дворцовых и монастырских крестьян, которые „в торговле упражнялись, совсем почти хлебопашество потеряли.“ Вообще нашему простому народу личная свобода бесполезна и даже вредна; во-первых,

[1]) Т. 32. стр. 513 мнение депут. Лопухина.

[2]) В дворянских речах и наказах, особенно см. 77, 4, 8, 32.

по свойствам русского климата, сурового и холодного, требующего принудительного труда, во-вторых,—по невежеству и темноте населения и, в третьих,—по самой сущности нашего политического строя—неограниченной монархии. „Бесполезно России, чтобы все члены ее были бы вольны, ибо в одних ограниченных правлениях нижнему роду вольность сколько нибудь приметна, да и в самых тех государствах та вольность по большей части вредна бывает." Если же прибавить еще отсутствие просвещения в нашем народе и недостаток земледельцев по сравнению с количеством земли, то вред свободы крестьян для государства скажется в том, что хлебопашцы, расточивши свои имения, разбредутся и земли останутся пустыми, и неправильно понимаемая невежественными людьми свобода повлечет их к нарушению законов и превратит их в злодеев общества. Впрочем, дворянские депутаты не возражали против личной свободы государственных крестьян; они только думали, что за этими крестьянами нужен зоркий глаз начальства, чтобы они не перестали трудиться на пользу государства и нести на себе всю тяжесть государственных податей и повинностей. Самоуправление же могло быть предоставлено государственным крестьянам в самых скромных пределах [1]).

Что же касается крепостных крестьян, то они, по мнению большинства дворянских депутатов и их избирателей, должны были пребывать в вечном и неограниченном подданстве помещиков. Дворяне—избиратели по большей части и не могли представить себе, чтобы русское общество могло существовать без рабства или по крайней мере—без крепостного права, которое в их глазах сливалось с рабством. Это крепостное право дворяне считали совершенно естественным состоянием, обладание которым представлялось им самым главным отличительным преимуществом благородного человека. Выражая общее настроение, Шелонские дворяне хотели, чтобы „в сохранении древнего узаконения ... дворянские люди и крестьяне в подлежащем повиновении, яко своим господам, были," причем следовало подтвердить в новом Уложении, что „узаконенная издревле помещицкая власть над их людьми и крестьянами не отемлется безотменно, как доныне была, так и впредь будет." Свое право на крещенную собственность уездные дворяне оправдывали, как умели. „Дворянству своих людей и крестьян,—писали, напр., в своем наказе помещики Керенского уезда—содержать на прежнем основании в своей власти и полномочии, не ограничивая их преимуществ и полномочия, ибо российской империи народ сравнения не имеет в качествах с европейскими." „Не обинуясь должны быть крестьяне в безотрицательном повиновении у своих владельцев и в полной их власти, дабы тишина и спокойствие общества господствовали и экономия бы прилежным трудом хозяина распространяема была во всех ее частях безпрепятственно," говорили Кашинские дворяне.

Воззрения дворян на крепостное право особенно хорошо вскрылись в Комиссии; здесь многие депутаты гораздо подробнее, ярче и разностороннее задевали этот вопрос, чем их избиратели; из которых большинству даже и в голову не приходило, что можно жить без крепостного права, да еще в такой стране, как Россия, где, по выражению одного из дворян, „подлый народ имеет тупое рассуждение без понятия" [2]).

---

[1]) Т. 32. стр. 447—448. мнение деп. Протасова. Ср. мнения деп. Степанова, Глазова, Бровцына в т.т. 4 и 32.

[2]) Т. 14. ст. 349. Т. 18. стр. 443. наказ Керенский Т. 4. стр. 465 наказ Кашинский. Флоровский, „Из истории Екатерининской Комиссии". Проект ген. Смирнова. Одесса. 1910. стр. 48.

Но дворянские депутаты, по крайней мере образованнейшие из них, не могли не сознавать, что крепостной—такой же человек, как и они. „Обратим взоры наши на человечество,—вырвалось как-то раз у кн. Щербатова,—и устыдимся об одном помышлении дойти до такой суровости, чтобы равный с нами по природе сравнен был со скотами“. „Мы люди и подвластные нам крестьяне суть подобные нам, продолжал он: разность случаев возвела нас на степень властителей над ними, однако мы не должны забывать, что и они суть равное нам создание.“ Естественное состояние в обществе есть свобода, которая утрачивается людьми „от повреждения нравов и через обстоятельства.“ Неприлично, чтобы „равный равного имел у себя в неволе.“ Поэтому „подлые“ люди, не дворяне, владеть крепостными не должны; это право прилично только благородным, которые, будучи обязаны служить государю и отечеству с особливым усердием, должны „воспитанием своим ... изготовить себя быть способными к такой службе и управлению другими подданными своего монарха. Через это они приобретают между прочим право иметь деревни и рабов, дабы, научась с младенчества управлять своими деревнями, они были тем способнее к управлению частями империи и, по своим обстоятельствам, знали вее нужды разных родов людей государства.“ Итак, только дворяне, господствующий класс, особая высшая порода людей, имеет право владеть крепостными, только „благородные“ могут владеть „подлыми,“ но не „подлые“ „подлыми.“ Для „благородных“ это вызывается государственною необходимостью, и рабовладение является для них своего рода школою, в которой они готовятся к управлению государством. Ведь без дворянства, по мнению того-же кн. Щербатова, нельзя устроить „порядочного управления“ обширной страной: „ибо где есть дворяне, там есть и их подданные, там заводятся земледелие, мануфактуры и следовательно—богатство, а где есть богатство, там рождаются и науки, и художества“ [1]).

Так дворянство мыслит себя неразрывным с своими „подданными“, с крепостным правом, а то и другое—кажется ему фундаментом культуры и цивилизации, основою материального процветания и духовного развития, как общества, так и государства. Крепостное право тем более необходимо для самодержавия, так как самодержавие государя держится на самодержавии дворянина над своими подданными—крестьянами. Это—звенья одной и той-же цепи, связывающей государство и общество. Связь дворянина с крепостным есть лишь часть той „цепи нисходящей, которая от монарха начинается и властью его действует и которая через самодержавную его... власть... все разные страны... в порядке содержит“. Эта крепко выкованная цепь издавна „благоденствие самих крестьян и целость государства сохраняла“. Подобно тому, как хороший, образцовый самодержец мыслится дворянами в образе доброго и любящего отца, так и хороший помещик представляется им таким же отцом и покровителем своих крепостных. „Они защищены своими господами, которые, почитая, что их собственное благополучие зависит от хорошего состояния их крестьян,... все о хорошем состоянии их пекутся, наблюдают о всем том, что может добронравие и трудолюбие в них вкоренить“. В государствах обширных, малонаселенных, с суровым климатом и непросвещенным народом, какова Россия, крепостное право совершенно необходимо для политического и экономического благополучия, даже для просвещения. „Еще российский народ—говорил тот-же кн. Щербатов—требует во многом просвещения, которого ни от кого иного, как от своих господ, крестьяне получить не могут и, следовательно, если-бы можно было без утес-

[1]) Т. 8. стр. 108. Т. 36. стр. 309. Т. 8. стр. 309. Т. 4. стр. 160.

нения, надлежало-бы стеснить сей союз, их взаимно связывающий". В этом невежественном народе „единое имя свободы... не произведет-ли умствование неподданства, до самой крайности доведенного?". „Россия есть северное государство... в котором... земледельцев должно принудить к работе, да и правительство за такою обширною монархиею усмотреть не может; ныне же дворяне, владея своими деревнями, лучший присмотр делают, принуждая их к работе, с их пользою соединенной, а в несостоянии их во всем им помогают, яко отцы чадам" [1]).

Так смотрел на крепостное право и его оправдывал один из самых просвещенных дворянских депутатов; но и другие разделяли его мысли, за исключением очень немногих, которые, не отрицая необходимости крепостного права, настаивали на ограничении власти помещика законом. Однако, к этим немногим интеллигентным дворянам, происходившим по большей части из мелких и незнатных семейств, почти все остальные депутаты из дворян относились крайне неодобрительно. Они, наоборот, думали совершенно так же, как и кн. Щербатов. Некоторые даже были убеждены, что крепостное право—причина возвышения России, народ которой, будучи подвержен различным порокам, особенно же пьянству, нуждается в „самом строгом смотрении, соединенном с наказанием". Даже наиболее гуманные из дворянских депутатов, отстаивавшие в Комиссии необходимость просвещения народа, думали, что крепостные крестьяне только „когда из тьмы невежества выйдут, тогда и достойными себя сделают пользоваться собственностью и вольностью" [2]). Крепостное право в представлении дворянских депутатов является необходимым и благодетельным учреждением, по крайней мере, для России с ее суровым климатом, грубым народом и самодержавным монархическим строем. Политическое устройство России казалось им лишь надстройкой, фундаментом которой было крепостное право; последнее дворяне считали основанием политической и экономической мощи Российской империи и сохранение его обосновывали соображениями государственной необходимости и даже—блага самого народа.

Это, однако, нисколько не мешало дворянам видеть зло крепостного права, если это право находилось в чужих руках, в руках людей „подлых", по терминологии XVIII в. Так дворянские депутаты решительно высказались против того, чтобы право на владение крепостными было распространено и на другие общественные классы, в частности—на купцов и фабрикантов. Дворяне стремились в этом случае доказать, что крепостной труд невыгоден в промышленности и торговле; они настаивали на том, что отношения в этой области между трудом и капиталом должны быть свободными... основываться исключительно на обоюдном соглашении. Тот же самый кн. Щербатов, который так ревностно отстаивал необходимость в России крепостного права, как особого дворянского преимущества, прекрасно видел, что промышленность и торговля могут только проиграть от внедрения в них крепостного труда и высказывался даже за постепенное освобождение фабричных крепостных. „Не естественно-ли, говорил он в Комиссии,—что вольный человек, который может у меня служить, или не служить, если мне служит, и особенно—долгое время, то служит независимо от получения своего жалованья, по совершенному усердию; а в невольника я

---

[1]) Т. 36. стр. 310. Ibid. стр. 311.

[2]) Т. 36. стр. 29. Ср. Т. 32. стр. 447—448 мнение Протасова, 405—Степанова, 429—Неклюдова, 509—Чаадаева, 546—Похвиснева.

См. т.т. 32 и 36 деп. Коробьин, Козельский и Татищев.

Т. 32 стр. 450—451 мнение Похвиснева и 545 и 511 ст. мнение Лопухина.

Т. 32. стр. 457 мнение гр. Строгонова.

и проникнуть не могу, усерден ли он ко мне или нет. И как можно сказать, чтобы без таковых невольных людей купцам невозможно обойтись, когда видим целую Европу, где никто невольных людей не имеет, однако ни на невозможность обойтиться, ни на недостаток усердия никто не жалуется“ [1]).

Как крепостное право представлялось дворянам Екатерининской эпохи исключительной и отличительной принадлежностью благородного сословия, так и землевладение, частная собственность на землю казалась им чисто дворянской сословной привилегией. Земля дана дворянам за их службу государю и отечеству, за кровь и раны, и потому должна принадлежать только им. Не может быть лучшего порядка, чем этот, ибо, если дать право земельной собственности крестьянам, то они свою землю всю размотают и разорятся. С них достаточно пользоваться помещичьей землею, которая фактически является крестьянскою собственностью, но не по закону, а по обычаю и воззрениям народа. Такая фактическая собственность крепостных крестьян на землю, принадлежащую помещикам по закону, даже прочнее, чем та „мнимая собственность“, которую имеют, напр., однодворцы и черносошные крестьяне, не умеющие удержать ее в своих руках. Поэтому некоторые дворяне считали за лучшее, чтобы и земли, находящиеся у однодворцев и экономических крестьян, были розданы дворянам: они с‘умеют ими распорядиться. На свои земли дворяне смотрят, как на полную и неограниченную собственность, как на свою вотчину: закон и государство не должны мешать им делать с этой собственностью, что им угодно [2]).

Таковы были политические и общественные воззрения дворянства в век Екатерины II. Царь—самодержец вверху, помещики—самодержцы внизу, а под ними—бесправый, бесгласный „подлый“ народ—их подданные. Между всероссийским и вотчинными самодержцами—крепкий и тесный союз, оборонительный и наступательный, обеспечивающий самодержавие императора над Россией, а дворян—над их подданными, союз, основанный на взаимном доверии. В таком государственном и общественном строе только самодержцы—свободны, только они—настоящие люди: всероссийский самодержец свободен без всякой меры, свобода же местных маленьких самодержцев—ограничена пределами их вотчины и свободою большого самодержца, сидящего наверху. Однако, в этом союзе политического самодержавия царя с социальным самодержавием дворянства действительная власть многих маленьких самодержцев стремилась стать на место власти большого самодержца и стеснить пределы его свободы. Дворянство, как общество вотчинных самодержцев, признавая себя на словах „нижайшими рабами“ своего повелителя, полным ничтожеством, в то же время было гордо сознанием, что оно—все, что Россия—это оно, дворянство, и только оно, его кровь и раны создали Россию, оно-же ее и сохраняет, придает ей могущество и славу. Раболепно об‘являя себя ничтожеством перед безбрежной властью всероссийского самодержца, дворянство было убеждено, что именно оно держит на своих плечах и государство, и даже самую власть монарха, что только „благородное“ сословие может, умеет и должно управлять Россией; ему следует проникнуть во все органы управления и неусыпно смотреть за каждым шагом правительства. Царская опека над дворянством, и дворянская—над всей Россией,— вот к чему в конце концов сводятся социально-политические убеждения среднего русского дворянина в момент созыва Законодательной Комиссии 1767 года.

---

[1]) Т. 8. стр. 108—109. Ср. 137 стр. и Т. 4. стр. 260 Наказ Клинский.

[2]) Т. 4. стр. 348. Переяславль-Залесский наказ. Т 32. стр. 448—490, 451 и 421. Т 36. стр. 314—316. Т. 32. стр. 239. Ср. 236, 240 и 250 стр. Ср. Т. 8 стр. 508 Дмитровский наказ.

VI.

Городские депутаты о сословной монархии и о крепостном праве, как об ее экономической и юридической базе.

Городские депутаты, высказывая свои соображения по поводу лучшего общественно-политического устройства России, стояли также на сословно-классовой точке зрения. Они не могли представить себе государства иначе, как разделенным на самодовлеющие сословные группы, среди которых купечеству отводилось ими одно из наиболее почетных мест. „Неприлично, по мнению деп. Карышева, людям вступать на ту степень, в которой они не рождены и жизнь их определена на другие услуги отечеству". Однако, „многие люди не следуют сим правилам, не бывают довольны тем состоянием, в котором рождены, противятся предопределению". Таким образом каждый от рождения прикреплен к своему сословию. О своей роли в государстве и своих заслугах перед отечеством купечество было очень высокого мнения, и стремилось поставить себя рядом с дворянством. Тарский купец депутат Бекишев говорил в Комиссии, что пользуясь покровительством государей, купцы, как „сыны российские по долгу своему, не щадя своего имения, стали прилагать труды к трудам и один перед другим старались усовершенствовать свои производства; достигнув сего с успехом, они жертвовали начальными плодами трудов своих высоким монархам и вместе с тем оказывали услугу отечеству... Таким образом купечество, приобретая от государей своих милость, принесло отечеству пользу тем, что, размножив заводы и фабрики, увеличило государственные доходы и доставило великую славу империи". Купечество „своими неусыпными трудами" и „великим старанием довело российскую торговлю до цветущего состояния". А ведь „коммерция... может назваться источником, из которого истекающие струи напоят многие миллионы народа". Она не только обогащает государство, но и приобретает ему союзников среди других государств „и тем прославляя свое отечество, наводит страх неприятелям". Поэтому заниматься торгово-промышленною деятельностью—прирожденное право одного только купечества, это—его сословная монополия, „непристойно благородному с одной стороны казаться дворянином, и с другой—купцом„. [1])

Вообще в своем отношении к дворянскому сословию и к его привилегированному положению в государстве городские депутаты стояли на стародавней почве Московских порядков XVI—XVII в. в. Они были последовательными и непримиримыми противниками вольности дворянства и его свободы от обязательной службы и держались традиционных воззрений, по которым каждое сословие обязано было служить государству и было прикреплено к своей должности. Поэтому, когда из среды дворянства раздались речи о вольности, купеческие депутаты отнеслись к домогательствам дворян неодобрительно. Так один из них, упомянутый уже депутат Бекишев, сказал, что „в России все дворяне предуставленному над ними от бога монарху... суще таковые же подданные и от звания этого ничем не исключаются и того ради по изобретению службы отчеству и не в хотении желания, словом во всем означенном воли не имеют, а единственно по рабской своей должности, по усмотрению государя и по его воле от поставленных правителей кто куда и к какой службе... будет потребен

[1]) Т. 8. стр. 283—284. Ibid. стр. 47—48; 275—276. Т. 8. стр. 119 и 154. мнения депут. Белезлого и Солодовникова.

и способен, в той и находиться должен". Итак, дворянин—подданный, подданный—раб, раб не имеет своей воли, раб должен служить, следовательно, и дворянин должен служить, служить не когда и где захочет, а когда и где ему прикажут. Так-же точно дворянин должен подчиняться и законам, причем законы эти должны быть равны для всех подданных или по крайне мере не делать поблажек дворянам. Мысли купечества о дворянстве яснее всего развил Рузский депутат Смирнов, который заявил в Комиссии, что „все дворяне должны подлежать тем-же законам, которым подлежат и другие люди; и ежели кто либо из дворян сделает проступок, то по мере его важности, лишить его не только дворянства, но и других принадлежащих честному гражданину преимуществ". Купцы находили даже, что с дворянина следует особенно строго взыскивать за преступления, так как дворяне—лучшие, отборные граждане и должны служить примером другим. „Благородные, яко сведующие закон, наиболее от непристойных поступков воздерживаться должными обстоят и через то показывать себя, по званию своему, примером добродетели". Дворянин, совершающий нечестный поступок, а тем более—нарушающий закон, сам себя унижает, делает недостойным своего звания и лишает преимуществ, присвоенных дворянству, как людям добродетельным, как отборной части народа; за преступления против общей безопасности „дворянин... и последний крестьянин—по мнению Тамбовского депутата Дитяева—если учинят столь подлое и бесчестное дело, равно жестоким образом на теле наказываются, для того, что, в какой бы они степени не находились, но через сие самое себя унизили, а потому не достойны по законам ни прощения, ни милосердия". Купцы вполне согласны с дворянами, что дворянство—общество избранных, лучших людей, и против существования такого общества и против почетного и привилегированного его положения они ничего не имеют. Все это они считают вполне справедливым и естественным: сословное государство они не могут себе представить без дворянства; но они думают, что эта лучшая часть народа должна быть лучшей не по породе, а по личным качествам своих членов: дворянство—это общество самых умных, самых нравственных, самых доблестных сынов народа, делами доказавших свое превосходство перед другими и имеющих личные заслуги перед государством и отечеством. Для того, чтобы дворянство действительно представляло из себя такой отборный класс, оно должно быть устроено иначе, чем предлагали дворянские депутаты. „Чтобы наследники не могли пользоваться чужими трудами без своих заслуг, чтобы порядок управления не повредился от наследственности чинов и незрелости умов, чтобы не возродилось нерадение у дворян самим заслуживать чины, а с другой стороны—для усиления в потомках дворян ревности к службе, для отвращения уныния, нерадения и отчаяния, для ободрения людей самого нисшего состояния к достижению высшей степени чести"—необходимо, по мнению деп. Смирнова—„сделать постановление, чтобы дворянство и преимущества оного не доставались по наследству, но чтобы всякий старался достигать его по заслугам; и как за преступления или за небрежение к своей должности иногда отнимаются высшие степени чести, так бы отнималось в сих случаях и самое дворянство". Доступ в дворянство, при таком его устройстве, должен быть одинаково свободен для всех подданных, лишь бы они заслужили такую честь. Раз полученное дворянство распространяется и на потомков, но не на всех, а только на ближайших, смотря по заслугам их предка: чем выше заслуги, тем более продолжительны и награды. Если потомок дворянина хочет сохранить за собою достоинство своего предка, он должен его заслужить вновь, возобновить право

на него личной службой государству. Тогда, и только тогда „благородство наше образовало бы одно тело, неразорванное на разные противоборствующие части, но составленное... из всех граждан, стремящихся к единой цели:... не возвысить одних, а других обратить почти в ничто, но всех без из‘ятия учинить благополучнейшими в свете“ [1].

Итак, свободный доступ в дворянство по личным заслугам, возобновление дворянства потомками заслуживших его отцов, и беспощадное изгнание из сословия нравственно испорченных членов,—вот что, по мнению городских депутатов, способно было превратить дворянство в общество избранных, добродетельнейших граждан; эти последние за свое личное превосходство по справедливости должны пользоваться правами и преимуществами, на которые претендовало потомственное Российское дворянство. Вольность же дворянская, как пользование особыми льготами и почетом, но без всякой обязательной службы государю и отечеству, казалась купечеству явной несправедливостью, тем более, что оно и на свои права и привилегии смотрело лишь, как на награду за исправное отбывание лежащей на нем государственной службы.

Но относясь отрицательно к несоразмерному с заслугами возвышению дворянства над прочими сословиями, купечество было не прочь само возвыситься над другими разрядами населения и очень обижалось, когда его смешивали с „мужиками“, с „подлыми людьми.“ Первостатейное купечество, например, не смело, конечно, мечтать сравняться с дворянством в чести, но все-таки оно хотело, чтоб по крайней мере считали „не столь подлым“, как прочие податные классы. К этим „подлым людям“ купечество относилось высокомерно и без малейшего сочувствия. В крестьянстве оно видело прежде всего своего злейшего конкурента в промысловой и торговой деятельности; оно страстно желало устранения этого соперника. Это желание брызжет с каждой страницы купеческих наказов и воодушевляет купеческих депутатов в их речах в Комиссии. „Жребий“ крестьянина—„умножение хлебопашества“, отчего должна произойти „польза всему обществу и прибыль казне“, почему и следует „повелеть земледельцам для пользы всего государства заниматься единственно хлебопашеством и ни в какую торговлю не вступать“. Хотя спокойное и приятное крестьянское занятие очень важно для государства, однако, польза от крестьян этим и ограничивается, ибо они „будучи при своих жительствах, кроме земледельства никакого плода государству принести не могут“. Крестьян купцы упрекали в леностии и празднолюбии; в России, по мнению деп. Плотникова, мало старательных крестьян, которые бы помогали друг другу и распространяли хлебопашество расчисткою новых земель [2].

Что же касается крепостного права, то против него и даже за его смягчение не раздалось из купеческой среды ни одного голоса. Наоборот, по всему видно, что купечество считало его вполне справедливым, естественным и необходимым, по крайней мере—в России. Оно находило, однако, что владение людьми и деревнями не должно быть исключительным правом одного дворянства, наоборот,

---

[1]) Т. 32 стр. 209—210. Т. 14, стр. 182. Предложение деп. Ларионова о суде, равном для всех. Т. 4, стр. 214. Т. 107, стр. 296. Зубцовский наказ. За оскорбления нанесенные купцам, следует наказывать всех в том числе и дворян по правилу; „рана за рану“. См. напр. т. 93, стр. 182. Т. 36, стр. 304. Т. 8, стр. 275 мнение деп. Карышева. Т. 4, стр. 214. Ibid. стр. 215.

[2]) Т. 8, стр. 42 мнение депут. Рыбной Слободы Попова срав. Т. 8, стр. 119 мнения Белезлого и 282—283 мнение деп. Карышева. Т. 107, стр. 162. Т. 8. стр. 394, ср. 283—284 стр. мнение Карышева.

самому хотелось иметь это право, хотя-бы и ему в таком полном об‘еме, как у дворянства; оно было не прочь, чтобы и другие свободные люди, напр. приказные и духовенство, могли владеть крепостными. Купечество и здесь стояло за „уравнение“ сословий, находя несправедливым не самое рабовладение, а захват его одним благородным сословием. Оно жаждало владения крепостными, как для того, чтобы возвыситься над простым народом и стать более почитаемым, так и, главным образом, чтобы иметь возможность в равных условиях с дворянами заниматься своей хозяйственной—торговой и промышленной—деятельностью. Купечество чувствовало себя обиженным тем, что оно не могло покупать крепостных для работ на фабриках, между тем, как дворянство могло приводить свои фабрики в движение крепостными руками. Это была явная несправедливость. К тому-же и вообще купечество в то время предпочитало крепостной труд вольнонаемному и предпочитало его не только в промышленности, но и в торговле и даже в домашнем хозяйстве. Купечество было убеждено, что фабрикантам и заводчикам без собственных крестьян фабрик и заводов размножать и приводить в лучшее состояние никак нельзя. „Понеже вольные люди не могут быть в таком послушании, как собственный... крепостной и работа, от них производимая, не может быть действительной, и что вздумает фабрикант в делании каких новостей для государственной пользы и славы, но оные по непривычке их окажутся противными, и ни за какую плату принудить не можно по их вольности, а только то работают, в которой заобвыкли и не так, как на прочих заведенных фабриках,.. при которых немалые собственные вотчины имеются и которыми те фабрики в цветущее состояние приведены, а через то-же и прочие в оное придти могут.. А без собственных крестьян привесть фабрики в лучшее состояние... невозможно“. Фабриканты считали наемный труд менее производительным и более дорогим, чем крепостной, указывали кроме того на непостоянство и непоседливость рабочих, на их непослушание и недобросовестность, наконец, на недостаток вольных рабочих. Точно так же относилось к наемному труду и торгующее купечество, считая его убыточным и даже разорительным. „Наемный в службе, а в промысле—приказчики вольные не столько доброхотствуют вверившему им, сколько иногда по развращенному смыслу последуют своим страстям, чего и усмотреть за оными трудно, и не состоят так, как крепостному должно, под страхом хозяина“. Хозяин, не зная наемника, опасается с его стороны воровства, грабежа и даже убийства; он не смеет его наказать, боясь мести или судебной волокиты; если хозяин своего работника „за какое либо непотребство и продерзости побьет“, то работник уходит, не доживая срока, „порученные им от хозяев работы они так охотно исправляют, что всегда хозяину на них смотреть не хочется, а за понуждение.., так переговаривают и ругают, что слышать стыдно“; хозяев своих они считают себе равными, а „послушания их столь скоры, что и совестного работника без ласкательства и ни к чему принудить не можно, а о прочих и думать излишне: и вся в том их отговорка, что—де у хозяев не век жить“; такому рабочему нельзя ни в чем довериться, особенно в денежном и торговом деле. Необходимость крепостного труда купечество об‘ясняет тем что „в России многое крестьянство состоит во владении у помещиков“, почему „к вольному найму по контрактам никакого способа найти не можно“. Вообще купечество без крепостных рабочих считало невозможным обойтись. „Что же касается до вольнонаемных людей,—писали Суздальские купцы в наказе,-то оными нам исправиться невозможно и состоит в том великая опасность, ибо мы через них... не токмо напрасные и

невозвратные свои убытки, непослушания и огорчения понесть можем, но и всякия, яко же от крепостных, разграбления, непотребства и другие многие несносные бедствия и приключения легко происходить и с тем они пропадать могут". Крепостные купечеству нужны не только для работ, но и для замены себя в отбывании различных натуральных повинностей, особенно-же рекрутской. Покупку крепостных в рекруты купечество признает не только вполне естественным и справедливым делом, но даже и с государственной точки зрения наиболее целесообразным способом отбывания военной повинности. Чтобы не отрывать купечества от его полезной деятельности, следует предоставить ему покупать за себя рекрут; покупку крепостных без земли и поодиночке купечество одобряет, что видно из всеобщего желания иметь крепостных дворовых в качестве домашней прислуги и приказчиков. Не довольствуясь этим купечество цепко держится за скрытое крепостное право, каким оно пользовалось в северных уездах над половниками. Эти последние, будучи свободными государственными крестьянами, на самом деле по своему положению, мало отличались от крепостных, а купцы владевшие ими,—от помещиков [1]).

Что касается отношений между хозяевами и вольнонаемными работниками, то рядовое уездное купечество думает об усилении власти хозяина и строгости наказаний работников за недобросовестность, злоупотребление доверием и нарушение договоров. Забастовку рабочих купечество называет „напрасным вымогательством денег" и находит необходимым, чтобы закон пресек подобные „работнические вымыслы" и суд не давал хода жалобам работника на хозяина, если работник ушел от хозяина без паспорта и отпуска. Вообще купечество желает, чтобы работники „во всяких нуждах порядочно и без ослушания были и денег напрасно не вымогали, и, оставя паспорты, не ходили и хозяев не разоряли". По всей вероятности так думали многие купеческие депутаты; но среди них нашлись беспристрастные люди, как Ларионов и Самарский, которые не побоялись перед собранием депутатов указать и на притеснения, чинимые самими купцами их служащим, особенно—приказчикам при расчетах. Они советовали принять законодательные меры к устранению этих прижимок. Симбирский депутат Ларионов думал при этом, что недобросовестное отношение трудящихся к своим обязанностям, на которое жаловались купеческие наказы и депутаты, происходит „от невежества и неучения", почему для борьбы с злоупотреблениями и оздоровления отношений между трудом и капиталом он и рекомендовал не что иное, как всеобщее обязательное обучение. Не так широк был взгляд депутата г. Епифани, Светушкина, однако и он предлагал определить законом отношения между хозяевами и наемными рабочими по крайней мере настолько, чтобы первые не задерживали рассчетов со своими работниками, а последние—не уходили от хозяев, не доживши до срока и не отдавши отчета в порученных им делах [2]).

Таким образом, общественный строй тогдашней России казался купечеству вполне естественным; иного оно не могло себе и представить; крепостной труд и крепкую хозяйскую власть оно признавало исконными основами общественных

---

[1]) Т. 93, стр. 173—174 Наказ г. Костромы, ср. еще стр. 573 и 7, 8, стр. 32, 462—163 и 553. Т. 134, стр. 27. Наказ г. Арзамаса. Т. 107, стр. 277—278. Опочковский Наказ ср. Т. 93 стр. 85, 98, 230, 235 и 364. Т. 107, стр. 553, 24, 162, в Наказах и речах депутатов. Т. 8, стр. 383—397, мнение деп. Плотникова.

[2]) Т. 107. ст. 571—572. Ср. 939. стр. 98—99, 229, 242 и 363. Т. 14. ст. 96, 151—152, 163—165. Т. 93. стр. 235. Т. 14. Стр. 162, 182, 201 и т. 8. стр. 190. Т. 8. Стр. 69. с этим мнением согласились 16 городских депутатов.

отношений и его мысли были направлены лишь к тому, чтобы обеспечить в этом строе надлежащее положение своего сословия. Это последнее терпело, как от засилья дворянства, так и от своеволия и недобросовестности работников. Приобщиться к выгодам рабовладения—с одной стороны, обуздать вольный труд—с другой—вот к чему обращались мысли купеческой массы, когда она думала об общественном устройстве России. Но среди этой рядовой купеческой толпы были и люди, возвышавшиеся над ней, которые задумывались уже над тем, как бы в области отношений труда и капитала достигнуть большей справедливости.

VII.

Идеальный социально-политический строй в депутатских выступлениях в казачьей фракции Законод. Комиссии. Отношение казачьих депутатов к сословным привилегиям общественных верхов.

Для остальных депутатов, принадлежавших к сельскому населению, по преимуществу, как-то: для казаков, однодворцев, старых служб служилых людей и крестьян, государство мыслилось также не иначе, как в форме сословной монархии. Так казаки представляли себе население Российской империи, разделенным на сословия с прикреплением каждого из этих сословий к своим правам и обязанностям. „Милость государева, думали они, не к одним дворянам, но равно проистекает к среднего и нижнего рода добродетельным и честным людям“; ею„ не один род, но все пред сим пользовались, да и впредь пользоваться имеют желание“. Государь и его правительство имеют равное попечение о всех четырех сословиях—дворянском, купеческом, воинском и крестьянском, одинаково необходимых в государстве [1]).

Однако, представляя себе идеальный государственный строй, покоющимся на таком строго-сословном основании, казачьи депутаты добивались наиболее привиллегированного положения для своих избирателей, составлявших особый, так называемый воинский чин. „Казаки имея от природы нравы добродетельные и будучи людьми военно-служащими, исполняя всегда службу свою, как они так и предки их, со всевозможным усердием, хотя и считаются рядовыми и неимеющими достойства дворянского, но дослужа добродетелью до старшинского чина, должны воспользоваться сим достоинством, а вместе с тем и правом покупать людей. Нижних-же чинов и казаков следует удовольствовать другими выгодами“. Эти другие выгоды, эти „привилегии и вольности“ состоят в получении из казны денежного и хлебного жалованья, в свободной безпошлинной торговле и винокурении, в держании шинков, розничной продаже пива и меда, во владении казачьими землями, рыбными и звериными ловлями, в безоброчном содержании лавок, бань, мельниц и кузниц [2]).

На расширении прав и привилегий казачьих полков настаивали, главным образом, те депутаты, которые были близки к старшинским кругам. Но в казачьей фракции Большой Комиссии 1767 г. были и лица совсем иного образа мыслей. Очевидно, само казачество не представляло единой социальной группы

---

[1]) Т. 32. стр. 296. Слова Тамбовцева. Т. 8. стр. 156 деп. Анцыферов, к которому присоединились многие казачьи депутаты.

[2]) Т. 8. стр. 320 мнение депут. Бурцева, к которому присоединились 9 казачьих депутатов. Ср. стр. 343—344 и 298 мнение Кондратьева Т. 8. Стр. 368, 253—254, 340, 342, 372—373

и в нем обнаруживалась хозяйственная и классовая дифференциация. Так по словам самого демократично-настроенного из казачьих депутатов—Алейникова, „казачьи войска перед великорусским народом во всем пользуются большими выгодами и лучшими вольностями". В виду этого Алейников находил излишней и даже противоречащей общему благу и справедливости ту особую вольность, которой добивались для своих старшин некоторые казачьи депутаты: право владеть крепостными. „Никакого отличия в их службе я не признаю: во время сражения с неприятелем рядовые казаки такою же кровию венчаются, какою и предводители, но рядовые казаки производят и больше действия". Поэтому, как рядовые казаки, так и их командиры должны „для пользы государственной" награждаться одинаковыми выгодами и вольностями. Желание-же особых привиллегий для старшин „клонится не к государственной и общественной пользе, а к собственной их шляхетской и старшинской корысти" и к отягощению рядовых казаков [1]). Вообще в лице хоперского казака Алейникова выступил в Комиссии замечательный человек: он—последовательный противник всяких привиллегий, несогласных с государственным и общественным благом, горячий защитник трудовых слоев населения, как в казачестве, так и в крестьянстве. Однако, голос его почти не нашел отклика среди депутатов этих слоев. Он превосходил их своим умственным и гражданским развитием, а может быть, и отпугивал крайностью и необычностью своих мнений, хотя другие казачьи депутаты и высказывались за распространение дворянских привилегий на своих старшин, но и они, подобно Алейникову, были ярыми противниками исключительных вольностей высших сословий, дворянского и купеческого, да и вообще, как уже замечено, казачество никого в самодержавном государстве не считало свободным и всякие права „подданных—рабов" рассматривало лишь, как особые милости государя, ни к чему его не обязывающие, а наоборот,—налагающие на самих подданных особые обязанности перед государством. Дворяне—такие же рабы государя, как и все прочие подданные, они так-же подзаконны, подсудны и подотчетны, как и остальные. Вот почему казаки единодушно восстают против свободы дворянской службы, и против различных послаблений дворянам в законах, суде и наказании. Даже позорное телесное наказание казаки хотят сделать всеобщим: „за бесчестие всех без из'ятия подвергать телесному наказанию, несмотря ни на какое достоинство", а за брань—того, кто не в состоянии заплатить штрафа. Это не значит, что казачество было против самого существования привиллегированного сословия—дворянства. Нет, без него оно не могло себе представить государства; но казачество понимало дворянство, как служилое сословие, прежде всего—как офицерство. „Находясь постоянно в воинских службах, в виду проливающейся крови, мы считаем за должное воздать возможное благодеяние тем, которые бывают в сражениях и ознаменовывают себя храбрыми поступками"—говорит Терский депутат Миронов. Поэтому казаки были сторонниками исключительно выслуженного дворянства. „Достоинство дворянское, по мнению того-же Миронова—не рождается от природы, но приобретается добродетелью и заслугами своему отечеству. Могут-ли российские дворяне сказать про своих предков, что все они родились от дворян? Я, напротив, полагаю, что в России более найдется таких, которые за воинское дело и другие добродетели получили это достоинство... Какое название будет драгоценнее, офицерское-ли или же дворянское без службы? Если... дворянское звание офицерского чина, то зачем-же дворяне, находясь в службе, желают по-

[1]) Т. 8. стр. 372—375.

лучить обер-офицерский чин? Да и в военной службе одни ли дворяне защищают свое отечество? Конечно, нет! Не с ними ли и другие венчались тою же кровию?“ И этих людей всякого звания „еще больше, чем дворян. Если-же вышедшим верною своею службою не из дворян в обер-офицерские чины не будет дано дворянство, то какое-же будет для них поощрение к службе“ [1]).

Итак, казаки признают дворянство, как почетное отличие для храбрых и добродетельных людей, венчавшихся кровию при защите отечества. Дворянство и офицерство в их представлении сливаются в одно. Отсюда понятно, почему казачество считает службу государству обязательной для дворянства.

Подобным же образом относится казачество и к привилегиям купечества. Анцыферов произнес речь в Комиссии, где выразил свое отношение к купечеству, разделив его на два рода. Купцы, ведущие заграничную торговлю и имеющие фабрики и заводы, по его мнению, „трудясь подобно пчелам, доставляют России иностранные и новые товары и через то приносят казне... немалую прибыль, а народному обществу—пользу“. Таким купцам всегда должно оказывать почтение, делать отличие и отдавать преимущество пред теми, которые внутри городов и в уездах, перекупая всякие мелочи на подобие мытаря, а не пчелы, беспошлинно торгуют и в работы нанимаются“. Но принося много пользы государству, купечество, получает и хорошую прибыль. Поэтому несправедливо было-бы отнимать у крестьян и разночинцев их мелочную торговлю в пользу одного купечества. „Не соизволит-ли само степенное купечество, торгующее внутри государства... беспошлинно, сперва согласиться с обремененных разными казенными трудами и подводами крестьян, которые более всех достойны сожаления, снять платимые ими подушные деньги и переложить их на купечество? Также не согласится ли оно из получаемой им от беспошлинного торга прибыли сделать прибавку к жалованию маложалованным служилым людям, которые расположены по границам России и прежде всех обывателей готовы идти с воинскими людьми на пролитие своей крови против неприятеля? И тогда уже пусть купечество требует, чтобы все, в этом мире сотворенное от Бога для человека, никому кроме купцов, не было продаваемо... Тогда всякий крестьянин и служилый человек тем г.г. купцам, как своим благодетелям, охотно уступит и ни в какие купеческие промыслы входить и мешаться не будет“ [2]).

Исключительные привилегии в пользу купеческого сословия тем более несправедливы, что они отягчили-бы положение крестьянства, которое и без того переносит „кровавые труды“: „этот многочисленный, не из одного миллиона состоящий народ, своими податями приносит государству более плода, чем купечество“; между тем „крестьяне службами отягощены гораздо более купцов“... „В таком положении нет основания лишать крестьян, столь достойных сожаления, их торговли“ в пользу одного купечества. Сочувствие казачества к крестьянству выражалось в защите его от притязаний не только купцов, но и дворян. Так депутат Алейников думал, что „произращения земли, тако-же звери, птицы и рыбы—все имение крестьянское, за которое каждый крестьянин платит государственные подати и впредь оные платить должен“. На этом основа-

[1]) Т. 36. стр. 295—296 мнение Анцыферова, поддержанное 8-ю казачьими депутатами, в том числе—Алейниковым. Т. 36. стр. 195, 207, 258, 270, 283, 294. Ibid, стр. 272 мнение Баскакова, к которому присоединился Анцыферов. Т. 8. ст. 340. Т. 8. стр. 122, слова Алейникова ср. 32. стр. 414. Т. 4. стр. 201. К Миронову присоединились 9 других казачьих депутатов, в том числе и Алейников. Т. 4. стр. 200. ср. т. 32. стр. 195—196.

[2]) Т. 8. ст. 156—157 и 251—253. К мнению Анцыферова присоединились еще многие депутаты от казаков, однодворцев и старых служб служилых людей.

нии он отрицал право дворян на воды, леса и зверей в пределах поместья. В своем сочувствии к крепостному крестьянству этот депутат шел далеко впереди всех, не только казачьих, но даже и крестьянских депутатов, заявивши себя принципиальным противником крепостного права. По поводу домогательств казачьей старшины о распространении на нее права рабовладения, Алейников сказал: „неверно, будто предосудительно быть казачьим командиром без крепостных крестьян", „мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет. И не большее-ли будет предосуждение всем г.г. депутатам и всему нашему государству перед другими европейскими странами, когда... узаконено будет покупать и продавать крестьян как скотину, да еще таких-же христиан, как и мы сами". Но в этом своем отношении к крепостному праву Алейников не был поддержан другими казачьими депутатами, которые, наоборот, считали рабовладение явлением нормальным. Право владеть крепостными казалось им почетным отличием, признаком высшего сословия, наградою за верную службу отечеству. Для исправного отбывания ее—пользование крепостным трудом представлялось им даже прямо необходимым. Отобрание же у лиц, принадлежавших к казачьей старшине их крепостных крестьян, на чем настаивал Алейников, они признавали „с должным человеколюбием и добродетелями... ни мало не сходственными", совершенно несогласным с обременительною и продолжительною казачьею службою и даже „с естественным правилом", ибо это было бы „лишением чести" и „отнятием благосостояния", у людей, которые „сами себя через худые поступки" этого не лишили [1]).

Однако, не отрицая крепостного права и даже желая принять участие в пользовании им, казаки восставали против злоупотребления таковым. Тот-же депутат Анцыферов, который выступал оппонентом Алейникову, высказался решительно против уловок, путем которых многие начальствующие лица, особенно на окрайнах, насильственно порабощали людей. Анцыферов хотел „закон положить, чтобы... насильное вольного и подвластного скипетру е. и. в. народа... укрепление было пресечено и тем-бы свободный род в невольное рабство покоряем не был". Также восставали некоторые казачьи депутаты и против захвата казачьих жалованных земель старшиною, на которых она селила своих крепостных „в противность указам". Таких крепостных депутат Капиносов предлагал отобрать „в общество, от чего будет, как в службе, так и в казне, немалое приращение, а между обывателями с обоих сторон прекратится вражда" [2]).

Хотя в социально-политических воззрениях казачества есть сходство со взглядами купцов и даже—дворян, однако, в его представлениях о государственном строе гораздо больше своеобразия, отличающего его самосознание от выше лежащих сословий. В представлениях казачества особенно резкими чертами запечатлелось свойственное в то время народной массе наивное воззрение на царскую власть и свободу. Свобода мыслится Анцыферовым, Тамбовцевым и др. казаками, как самодержавие лица,—как безудержность личного хотения, как лихой, безшабашный разгул человеческой воли, не знающей над собой никакой власти, никакой сдержки. С этой точки зрения свободен в России только один самодержец, и все прочие жители, даже дворяне,—равные в своем бесправии рабы. У них только одно право—равное право на милость их владыки, у них лишь один долг—беспрекословно повиноваться самодержцу. Но уравнивая всех

---

[1]) Т. 8. стр. 251—253. Т. 32. ст. 259—260. Т. 8. ст. 373. ср. стр. 170. Т. 8. ст. 229, 318—320 и 344—345.

[2]) Т. 32. стр. 373—374. Ibid, стр. 381. Ср. стр. 370—371.

в ничтожестве перед единым свободным властелином, казачество только его одного и признает настоящим господином, только ему одному и согласно безмолвно повиноваться; оно боится „многоначальства“, ненавидит власть бюрократии и стремится установить непосредственное общение рабов с источником всех милостей—самим государем. Отсюда своеобразный демократизм казачьего политического сознания, в котором равенство не уживается с свободой, а свобода лица—с его подчинением закону и государственной власти. Проникнутое насквозь идеей долга подданного перед государством, казачество само отрекается от того, что оно считает свободой, и от других сословий беспощадно требует того-же; оно само жертвует и требует от других пожертвования личным и частным благом благу целого, благу государства. Олицетворением этого государства является в глазах казачества самодержавный властелин; он символ единства отечества, его независимости, верховенства и чести. Так роль, которую казачество играло в защите государства, и военный строй всей его жизни, отразились в его социально-политических воззрениях, где ярко горит сознание великой ценности государства, но эта государственность казачьего сознания отражает очень низкую степень политического понимания. Былая дикая вольность казачества оставила по себе глубокий след в его понимании свободы, вместе—наивном и анархическом, которое невольно приводит, либо к полному отрицанию всякой государственной власти, либо к прямолинейной и до конца последовательной защите азиатского деспотизма. Военный быт казачества наложил отпечаток и на его взгляды, касающиеся сословного и экономического устройства государства. Во главе этого последнего, по казачьему воззрению, должно стоять офицерство, отборная по личной храбрости часть населения, образующая дворянство, а остальные сословия располагаются за ним лестницей, сообразно роли, которую они играют в обороне отечества и поддержании его могущества. Штатские люди ценятся постольку, поскольку они своим трудом содействуют военным, а вместе с тем—славе и мощи государства. С этой точки зрения купец менее ценен, чем крестьянин. С этой-же точки зрения крепостное право кажется многим необходимым, как средство поддержать боеспособность военных людей и как награда им за бранные подвиги. Все-же вольности, привилегии, государственное покровительство, излишние для военно-государственных целей, беспощадно отрицаются, как напрасное обременение народа, трудовые интересы которого очень близки и сродни представителям казачества.

VIII.

Депутаты от однодворцев и старых служб служилых людей о сословных предпосылках идеального политического строя.

Однодворцы и старых служб служилые люди в своих взглядах на сословный строй очень близки к казачеству. Общество, по их представлению, должно было покоиться на принципе социальной справедливости, а эта последняя, по воззрениям представителей однодворцев, заключается в том, чтобы каждое сословие имело приличные ему „права и выгоды“, не захватывая чужих и не мешая этим народному благу и „общественному спокойствию“. Подобно казакам однодворческие депутаты выступали против исключительной привилегированности дворянства и против притязаний купечества на торговую монополию [1].

[1]) Т. 32, ст. 300. Т. 8. стр. 85—87.

Но они вовсе не были противниками каких бы то ни было сословных прав и преимуществ. Они только считали несправедливым возвышение одного сословия за счет других, находя более правильным равномерное распределение выгод между всеми сословиями.

„Всякое звание, по замечанию депутата Веденеева,—должно состоять под одним законом"; чтобы „никто не был один перед другим обижен", каждое сословие должно „совершенно отрешиться от всякой посторонней заботы и довольствоваться своим занятием". Каждый человек по справедливости имеет право на „ту часть, от чего он пропитание имеет и государственное тягло отбывает". С этой точки зрения и однодворцы, считая себя особым сословием, желали „не того... чего-б наши предки не имели и мы не имеем, но справедливо тех выгод, коими предки наши издревле пользовались, а по ним и мы ныне имеем" и кроме того „совершенно тех, кои не могут служить никому во вред; ни в отягощение" [1]). Следовательно, каждое сословие может иметь такие права и выгоды, которые 1) не вредят другим, 2) унаследованы от предков, т. е. приобретены исторически, и 3) дают ему возможность жить и исполнять свои обязанности перед государством.

Свои права однодворческие депутаты, вслед за их избирателями, выводят из исторических заслуг своих предков. Они „служа царскому величеству, несмотря ни на какие страхи, знатный против неприятеля за свое отечество отпор подавали". За отечество, „как от предков, так и ныне во учрежденной армии служба однодворцев происходит, где всяк солдат за православие и... свою монархиню против неприятеля распинается...—за дом Пресвятые Богородицы кровью венчается"; однодворцы „в пограничных местах за отечество свое умирают". Свою службу государству они считают более важной и трудной, чем занятие купеческое и даже крестьянское. „Однодворцы—говорил депутат Невежин—платят в казну... подати с большим против купцов излишеством. Сверх того и самые службы однодворцев я считаю превосходнее, чем те которые обязаны нести купцы; ибо сии последние только вообще с прочими жителями империи... дают рекрут, однодворцы-же содержат украинские полки и корпус сей единственно комплектуется с одних только однодворческих душ, а с крестьян их берутся рекруты наравне с купцами" [2]).

Однодворцев обижает стремление правительства сравнять их с государственными крестьянами. „Когда уже мы—заметил как-то депутат Давыдов—счисляемся ныне в числе последнего из трех родов, то предвижу, что мы не только состоим на линии с разными государственными и помещиковыми крестьянами, но и со своими наряду... По сему думаю, что уже равных себе в крестьянстве иметь будет не можно". Однодворцы считали такое уравнение оскорблением и желали, чтобы они были „от той подлости отделены", чтобы их „в равенстве с государственными крестьянами не полагать, а повелено-б было пред ними иметь какое ни есть преимущество". Депутаты от однодворцев при этом просили однодворческое звание отменить, „пожаловать их званием детей боярских и дать им преимущество перед купеческим сословием"; однодворцев, доказавших дворянство своих предков, причислить к дворянам, а живущих в городах—к горожанам. Так-же точно и старых служб служилые люди желали,

---

[1]) Т. 4. ст. 178—179. Ср. т. 32, стр. 576 и т. 36, стр. 175, 294. Т. 36. стр. 331. Формулировка деп. Давыдова. Ср. т. 8, стр. 86—87.

[2]) Т. 36. ст. 174 мнение Маслова. Ср. стр. 330—331 мнение Давыдова. Т. 8. ст. 226.

чтобы „впредь... с крестьянами их не смешивать, для государственных надобностей завсегда были особливо“ [1]).

Не только воспоминание о дворянстве предков тянуло однодворцев и старых служб служилых людей к дворянству, не только их служба в ландмилиции сближала их с первенствующим сословием; у многих из них было и еще одно важное звено, связывающее их с дворянством: это крепостные крестьяне. Многие из однодворцев владели 1—2 дворами крепостных; вот почему их должно было тревожить уравнение с крестьянами, как это и вырвалось однажды у Давыдова: „равных себе в крестьянстве иметь уже будет не можно“. Однодворцы при этом боялись, как бы им не запретили владеть крепостными, неудивительно, что они высказывались в пользу крепостного права, желали сохранить его и за собою, вплоть до покупки рекрут, требовали даже усиления наказаний крепостных за бегство, а свободных—за пособничество им. Распространение права владения крепостными на однодворцев и купцов „не может служить никому ни во вред, ни в отягощение“. По мнению Веденеева, обращение помещиков с их крепостными—дело, постороннее однодворцам, в которое им и вмешиваться не следует. Вероятно, таково было мнение о крепостном праве массы однодворцев и некоторых из их депутатов. Однако, не осуждая крепостного права, как общественного зла, многие однодворцы относились с сожалением к крепостным крестьянам и находили справедливым, чтобы закон защитил их от злоупотреблений помещичьей власти. В этом духе высказывались в Комиссии однодворческие депутаты Кипенский, Жеребцов и Маслов. Кипенский предлагал разделить рабочее время крепостных на 3 равных части, из которым одна только предназначалась в пользу помещика, а две других должны были давать крепостному средства к существованию и уплате податей. Эти меры, по его мнению, „клонились и поощряли всякого к обрабатыванию земли“ и имели целью, чтобы „по мере множества хлебопашцев и.... пашенных земель—умножалось земледелие, размножался народ и от того, как господину, так и земледельцу, последовала очевидная прибыль“. Следовательно, Кипенский не только не отрицает крепостного права, но своим предложением стремится даже улучшить крепостные отношения, имея ввиду увеличение выгод и крестьян, и владельцев. Также относился к крепостному праву и депутат Жеребцов. „По истине... в великое меня приводит восхищение—восклицает он—ежели воображу тех помещиков, кои, прилежно за своею смотря экономиею, ревностных земледельцев обильно награждают, а ленивых кроткими увещаниями поощряют к оному нечувствительно“. В таком розовом свете представляются Жеребцову отношения между добрым барином и его крепостными. Они даже приводят его в восхищение; значит ничего лучшего он и представить не может. За то „представив пышностью и роскошною жизнью зараженных“ помещиков, он „мыслию и духом колеблется“, ибо эти расточители „налагают на крестьян великую сумму“, чрезмерные подати, которые удручают земледелие и побуждают хлебопашца к бегству. Однако, и он находит сообразным „с общей пользой“, т. е. с „приведением земледелия в цветущее состояние“, предложение об ограничении власти помещика над имуществом крепостных. Но особенно он обращает внимание на притеснения крепостных, происходящие „от жадности к сребролюбию управителей и приказчиков“, которые употребляют милость своего господина „не только во вред оному, но и в великий ущерб всему обществу“. „К истреблению сего зловредия“, есть, повидимому, очень

[1]) Т. 36, ст. 331. Т. 115. ст. 196. Ibid, ст. 214. Т. 4. Ср. 166, 177—178. Т. 32. ст. 397. Представление Жеребцова. Ср. его же на 454 ст.

простое средство, отнюдь не затрогивающее власти помещика над крестьянами: „управителей и приказчиков отменить, а чтобы крестьяне без надзирательства не остались, да выберется, по согласию всего их семейства, староста, коего по истечении года освидетельствовав, одобренного оставить, изобличенного—же в неправде сменить“. Но хотя Жеребцов и не противник крепостного права, он все-таки на стороне крепостного крестьянина и желает облегчения его участи в интересах не столько его самого, сколько земледелия, процветание которого он отожествляет с общей пользой. Чувствуется, что Жеребцову ближе и понятнее жизнь и горе крестьянина, чем интересы помещика. Он даже не верит в злую волю беглого крепостного и уверен, что без особенно важных причин он не решится бежать от помещика. Впрочем, о самих крестьянах он не высокого мнения: он думает, что крестьяне „будучи воспитываемы .. грубо и нерадиво, если не обуздают вольность свою, стремящуюся ко злу и порокам, то свирепством своим, приобретенным навыком, превосходят самых лютых зверей“. Депутат Маслов в сущности тоже ничего не имеет против тех „природных дворян“, которые, „отечески милосердуя о своих крестьянах“, „содержат их в добром порядке“. Он только указывает на тяжелое положение крепостных, преимущественно, у приказных, которым крепостные „случайно во власть пришли“ и которые обременяют их „поборами свыше сил“ и заставляют „каждый день безпосредственно находиться в... работе“. Эти-то крепостные и бегут, по мнению Маслова, от помещиков, но не по самовольству, как думают дворяне, а по нужде: „от радости ли иной крестьянин покинул свои малые детища“? спрашивает он и отвечает: „ни единый зверь... в ноше своих щенят, ни птица в гнезде—своих птенцов без пристрастия от находящих не покидает: тако несчастливому в свете человеку сие приключается по нужде“, а по нужде „и закону перемена бывает“. Глубоким сочувствием к крепостному проникнута и вся речь этого однодворческого депутата. Он развертывает перед Комиссией мрачную картину крепостного быта, хотя самому ему все это представляется лишь злоупотреблением помещичьей власти. Крестьянам он отводит очень важное место в государстве, „не они ли—спрашивает он—обще с дворянством и с прочими российскими людьми знатную государству оборону подают и не малую на армию денежную сумму приносят?“ чтобы „не обратить таковое нижняго рода общество во вред“, следует „по их особливого нижняго рода праву“ устроить управление крепостными: тогда „уже от помещиков... никто обижен не будет и крестьянина никто винного не заступит и крестьяне от невинных бед избавиться могут законом“... тогда „все под единою властию и защитою станем законодательницы нашей .. поставлены на высочайшей степени своего отечества“ [1]).

Таким образом, крепостные признаются особым сословием имеющим право на отдельную организацию управления, на одинаковую с другими защиту закона и внимание верховной власти. Крепостная же зависимость, ограниченная по закону сословным устройством крестьян, сводится к одному лишь отправлению повинностей в пользу помещика в определенных законом размерах.

Однодворцы в Комиссии высказывались также против принудительного труда на дворянских фабриках и заводах, которые следует, по их мнению, „содержать вольными рабочими людьми, а не притесняя к тем заводским работам

[1]) Passim в наказах напр., т. 115, стр. 39—40. 209. Т. 8, ст. 86—87 мнение Давыдова. Ср. его же в т. 36, стр. 331. Т. 32. стр. 388—390 мнение Букина, ср. мнения Веденеева и Давыдова т. 4. стр. 166 и 178 и т. 36, стр. 330—331. Т. 32. ст. 400. Ibid. стр. 468. Ibid. ст. 467—468. Т. 14. стр. 178. Т. 32. стр. 514. Ibid ст. 516—517.

всякого звания государственных крестьян“ [1]). Вот высшая степень социального либерализма, которой достигла мысль лучших представителей однодворческой среды в Екатерининскую эпоху.

Стремясь быть „в равенстве против дворян и пользоваться достоинством оных“, однодворцы были очень недружелюбно настроены к тогдашнему дворянству и косо смотрели на его возвышение над другими сословиями. Ведь возвышение дворянства отражалось на однодворцах и им подобных мелких „безгласных“ людях усилением всякого рода безнаказанных притеснений: „где-б какое жительство осталось без притеснения и обид от благородного дворянства спокойно?“, спрашивал Комиссию Веденеев, и отвечал: „подлинно, нет ни одного“. Поэтому новое усиление дворянских привилегий вызывало в однодворцах тревожный вопрос, „не почувствуется ли в обществе народному жительству смятение“. Между тем, думали однодворцы, ведь „по власти Божией от государя человеку дается благородство не с тем, чтоб насилие и мучительство оказывать, но чтоб ему быть ко всем своим врученным благоприветливу, непамятозлобну и милостиву“. Никакой дворянин, сохраняя свое дворянское право, не должен делать никому обиды ни словом, ни делом“, чтобы один человек не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов“. На взгляд однодворцев благородные „от всего свободностью себя ограничили, пользованием всяким обременены, служба-ж, кто какую похощет служить, да будет в его воле“... Словом „благородные, от всех людей отличаясь, украшены“. И украшены чрезмерно. Поэтому, а также боясь новых насилий со стороны дворянства, однодворцы и старых служб служилые люди в Комиссии неизменно и дружно высказывались за уменьшение и сокращение дворянских вольностей, особенно-же энергично восстали они против замкнутости дворянского сословия. Так-же, как и казаки, они хотели, чтобы выслуга чина давала свободный доступ в дворянство, чтобы „никому к достижению такого драгоценного звания в справедливости препоны не представлялось“. С другой стороны они полагали, что преступление и безчестный поступок лишают дворянина его достоинства и всех его привилегий. „Что мешает— спрашивал Веденеев Комиссию—быть благородному дворянству за преступление наказанному?“. Кажется, он сам себе оное волею получает, от несохранения же закона и дворянство теряет“... Ведь „всякого благородного на сохранение закона влечет самоохотие, а не принуждение, и потому обращается болезнь чужая на самого его“. Поэтому дворяне должны быть подвергаемы одинаковым с прочими гражданами наказаниям, вплот до телесного. „Чрез это всякий человек, особливо посвященный честью и украшенный благородством, от противных поступков может себя всячески воздерживать“. „Благородный от невоздержания своего, обнадеясь, что ему нет наказания, единым днем поранит 10 человек, из которых может иному приключиться и смертный час; то не возопиет-ли убитого неповинность проливаемой крови к Господу“. Следовательно, за наложенную от благородного всякому христианину от насилия его рану дать телесный штраф, а за приключение невинному от рук его смерти—по сыску допряма—такожде и чему подлежит“. Однодворцы считали излишними и привилегии дворянам в области судопроизводства, ибо, как заметил депутат от отставных унтер-офицеров и драгун Леонтьев,—„безпристрастие в суде и безопасность потребны сколько для дворянина, столько и для всякого человека, какого-б он звания ни был“. В частности восстали они против старинного права дворян—устранять из числа свидетелей крепостных крестьян и считать их свидетельства ничтож-

[1]) Т. 32. ст. 254. Подписи трех однодворческих депутатов.

ными. Устами Кипенского однодворческие депутаты заявили, что в интересах раскрытия преступлений, совершаемых дворянами, „и в целях безопасности людей всякого звания", необходимо признать действительность и доноса, и свидетельства крепостного на его господина. Однодворцы всецело разделяли взгляд казака Тамбольцева на исключительность дворянских привилегий и отнюдь не согласны были примириться с тем, что дворянство имеет какое-то особое право на личность и внимание самодержавного государя, большее чем другие сословия. Господство дворянства над всеми другими сословиями им вовсе не улыбалось. Они предпочитали самодержавие, опирающееся на тяжелый сословно-демократический строй общества, „Я почитаю себе за долг желать—заявлял депутат Давыдов—что каждый довольную часть на свое пропитание имел; сверх сего земледелие таким образом может придти в лучшее состояние и государство через то получить большую пользу, имея несколько тысяч подданных, наслаждающихся умеренным достатком, нежели имея несколько сот великих богачей" [1]). Более или менее равномерное распределение благосостояния, прав и выгод, между подданными—вот нормальный порядок вещей в государстве, по мнению однодворцов: пусть каждый довольную часть на свое пропитание имеет и с нее отбывает свои государственные обязанности. Для себя, для своего сословия, они желали обезпечения именно этих самых необходимых условий: сохранения особого порядка отбывания военной службы, особого земельного уклада и особого земского самоуправления.

IX.

Крестьянские депутаты о сословной монархии и о крепостном праве. Их контакт с суждениями по этому поводу сельских избирателей.

В заключение нам следует ознакомиться со взглядами на сословную монархию самого низшего из свободных в то время общественных слоев—государственных черносошных крестьян. Внутреннее устройство государства крестьянам представлялось, как разделение повинностей между сословиями с предоставлением каждому из них экономических средств к исправному отбыванию этих повинностей: „Всякого звания люди во всем государстве, по словам архангелогородского депутата Чупрова,—не без порученных дел остаются: за кем какая должность состоит... по возможности своей и все исполняют"... Совмещение двух таких должностей в одном лице, однако, невозможно: „кажется, не можно одному человеку купцом и помещиком быть" и купечеству помещичьи выгоды иметь. Следовательно, каждый род или сословие должны довольствоваться, тем занятием, которое для него наиболее прилично и иметь соответствующие этому занятию выгоды. При этом „всякие честные люди имеют заботу о том деле, к которому они приставлены; такие-же, кои о себе не радеют, и во всех родах найдутся". Ведь „во всяком роде между добрыми есть и вредные, а между иными и не без дураков" [2]). Итак, всякое занятие и всякое зва-

[1]) Т. 115. ст. 117. Наказ Псков. старых служ. людей ср. ibid стр: 216. Т. 36. ст. 304—306 Веденеев. Т. 4. ст. 176 Веденеев. Т. 32. ст. 189. Ср. ст. 186 и 199 мнение Луховикова и стр. 304 мнение Фефилова. Т. 32. стр. 202. Ср. стр. 204 подписи. Т. 36. ст. 305—306. Т. 32. ст. 216, 218—219. Т. 36. ст. 304. мнения Давыдова. Ibid. ст. 306 гр. стр. 19. Т. 32. ст. 273. ср. подписи однодворцев под мнениями Баскакова, Малявинского и Самарского на ст. 272—274. Т. 32. ст. 281—282 см. подписи. Т. 36. ст. 331.

[2]) Т. 32, стр. 504—505. Ibid стр. 465—466. Мнение деп. Полежаева. Т. 8. стр. 56. Полежаев. Т. 32. стр. 503—504 Чупров.

ние честно, честность безсословна; честен тот, кто добросовестно исполняет свои общественные обязанности. С этой точки зрения все сословия одинаково почтенны и необходимы в государстве.

Крестьяне не отрицают заслуг дворянства перед отечеством и считают справедливым признание „дворянской чести“, но они напоминают и о других сословиях, которые честно делают свое дело в государстве. Так, купечество должно заниматься ремеслами и торговлею; ему „не сообразно упражняться в земледелии“ т. к. от этого происходит отягощение земледельцам, а купечество отвращается от исполнения прямой своей обязанности и не приносит пользы государю по купеческому званию. К Кунгурском уезде, напр., купцы „поселяясь в селах... пашут землю и косят сено и чрез то пользуются крестьянским правом с не малою для крестьян обидою и притеснением, вовсе позабыв купеческие обязанности“. Черносошные крестьяне—есть „самый род нижайший“, но и для них необходимо „удовольствие изобрести приличное“, их главное занятие—земледелие, которое есть „наиполезнейшая вещь для всего отечества“, почему и следует ему всячески содействовать: „предписать закон, чтобы земледельцам в летнее время в их упражнении никакого замешательства не чинилось“; позволить „займовать им порожние и никому не принадлежащие места, как-то: для поселения, хлебопашества и сенокошества“; следует также им в своих дачах владеть рыбными ловлями, звериные и птичьи охоты иметь. Казна должна им давать деньги взаймы под проценты, ибо „лучше казне доставить прибыль, чем пользоваться ею другим“, именно—дворянам. В качестве же подсобного заработка необходимо „узаконить для крестьянства всякое рукоделие и промыслы, приличествующие более до их рода, нежели до другого“, также позволить и мелочную торговлю сельско-хозяйственными продуктами. Трудясь над землею, „государственные крестьяне не для другого, но для себя на пропитание и рачение имеют“ и потому они „вменяют себе земли в удовольствие, а не в удручение“, так что их вольность отнюдь не ведет к нерадению о хлебопашестве, к непорядкам и побегам. Да им и не от чего бежать, ибо и прежние государи их „в милости законами охраняли“ и Екатерина II „матерним милосердием соизволила хранить и наблюдать со излишеством“ [1]).

Рассматривая общественные отношения в пестром по своему социальному составу государстве с своей сословной точки зрения, крестьяне депутаты, вслед за своими избирателями, прежде всего отстаивали право на землю. Крестьянская земля не должна уходить из крестьянских рук: она должна составлять неот‘емлемый земельный запас сословия. Крестьянские земли, попавшие во владение купцов, разночинцев и духовенства следует возвратить во владение волостей. „Поселившимся на крестьянских землях купцам, как не приносящим пользы государю по своему званию, запретить пахать пашни и косить на лугах сено“. В тот-же цвет окрашены и крестьянские воззрения на собственность и на всю экономическую деятельность. Один из депутатов, Сараев, заметил както, что „крестьяне покупают и продают не для денежной корысти, но для пропитания своих семейств и для платежа государственных податей“. „Земледелец, говоря словами Жеребцова,—имеет землю, которая ему его-же трудами произростает хлеб, и имеет плодоносные поля, насыщающие его стада и посредством

---

[1]) Т. 8, ст. 131—133. Полежаев. Ibid, стр. 534 Полежаев, ср. 157—158 стр. мнение Анциферова и подписи под ним крестьянских депутатов. Т. 32, стр. 465. Ibid стр. 270. Т. 8, стр. 83. мнение Сараева, ср. т. 123 стр. 248, 258, 270 и др. наказы. Т. 32, стр. 503 Чупров. Ibid стр. 504. Чупров.

сих двух вещей все для себя потребное получить может: хлеб его трудами приготовленный,—ежедневная его пища, а лен и шерсть его скота—подают ему приличные его жизни одеяния". Такова несколько идеализированная картина трудового, натурального или полунатурального, мелкого крестьянского хозяйства, владельцы которого „не для другого кого, но для себя на пропитание желание и рачение имеют и не надеются того, что другие у них отнимут.., и вменяют себе земли в удовольствие, а не в удручение", как говорил Чупров [1]). Этому самодовлеющему хозяйству вольного государственного крестьянина противополагается хозяйство крестьянина крепостного, который, наоборот, работает на другого, вменяет себе землю не в удовольствие, а в удручение и кроме того—обременен платежами в пользу помещика, отнимающего у него плоды его труда.

Крепостные крестьяне, по мнению крестьян государственных, не должны оставаться „без определенного закона", чтобы, как говорил депут. Чупров, „после сочинения проекта нового Уложения в бедности и безпокойстве не находились, как ныне за некоторыми помещиками без защищения и призрения находятся". К этому Чупров хочет побудить депутатов других сословий, указанием на выраженное императрицей желание и например самого Христа, который „нам путь дал попечение о нищих, бедных и обиженных иметь". А крепостных крестьян этот депутат Архангелогородской губернии относит к числу именно таких несчастных людей, достойных крайняго сожаления. Правда, он допускает, что есть крепостные, находящиеся „в милости и счастьи": „кто у кого под защитою и в добром поведении и в научении жительство имеет у помещика или у хозяина, того похулить едва-ли кто отважится; да не точию сторонние, но и благоразумные родители, видя чад своих в таковых содержаниях, за счастье себе вменяют; только здоровые не требуют врача и в милости содержащиеся редко милости ищут". Таких помещиков, которые „благоразумными учреждениями крестьян своих управляют" никто и не думает поносить, о них нечего и многословить. Наоборот, многие помещики „безмерно мучат" своих крестьян и „несносные" с них дани собирают: „недовольны тем, что по желанию своему, по окладу с души, берут деньгами; с них-же еще и с домашняго произращения сверх денег сбирают, да их-же и в работу берут". Эти-то крепостные и возбуждают „праведное сожаление" и вызывают необходимость „праведного узаконения": „в чем помещикам власть над крестьянами иметь и умеренную с них дань собирать". Повидимому, крестьянский депутат не находит зла в самом крепостном праве или же не осмеливается высказаться прямо против крепостного права и за полное освобождение своих собратьев, которые „у помещиков в унынии и бедности жительство имеют" [2]). Он, вместе с некоторыми либеральными дворянскими депутатами, вроде Коробьина, взывает только к состраданию и желает законом определить пределы помещичьей власти для защиты труда и имущества крепостных.

Но не осмеливаясь оспаривать дворянское право владения крепостными, крестьянские депутаты решительно высказывались против всего, что вело к закрепощению свободных государственных крестьян. И прежде всего—против по-

---

[1]) Т. 115, стр. 412. Т. 8, стр. 113. Мнение Ключарева ср. т. 32, стр. 505 мнение Чупрова. Т. 8. стр. 334. ср. т. 123, стр. 293. Т. 8, стр. 83. Т. 32, стр. 467—468. Хотя Жеребцов—депутат пахотных солдат, но по своему социальному положению и воззрениям он мало отличается от крестьянских депутатов. Т. 32. стр. 503—504.

[2]) Т. 32, стр. 503—504. Мнение Чупрова.

ловничества, которое на севере России получило характер замаскированного крепостного права. Требование купцов о дозволении им покупать недвижимые имения и крепостных людей крестьянские депутаты считали несправедливым, так как оно причиняет отягощение крестьянам, отнимает у людей свободу и приводит их в неволю, а также несогласно и с сословным разделением прав и занятий. Поэтому, они считали справедливым „записанных за купцами половников от их невольнического рабства освободить, приписав в волости с прочими государственными крестьянами и на будущее время запретить купцам записывать к себе половников, довольствуясь наемными работниками. Крестьяне также были против приписки деревень к фабрикам, чтобы „не притеснять к заводским работам всякого звания государственных крестьян". Что касается торговли рекрутами, то против нее государственные крестьяне не возражали, а некоторые даже хотели и сами иметь право ставить за себя покупных рекрут [1]).

Таким образом государственные крестьяне, повидимому, мирились с крепостным правом, поскольку оно не задевало их сословных интересов, но, принимая близко к сердцу тяжелое положение крестьян помещичьих, они находили справедливым, чтобы закон защитил их и ограничил власть господ, а также — не допускал впредь распространения крепостного права на другие сословия. Высказываясь за ограничение и законодательное определение этой основной дворянской привилегии, государственные крестьяне, в полном единодушии с казаками и однодворцами, относились неодобрительно к чрезмерному возвышению дворянства, к превращению его в праздное, необязанное служить государству, освобожденное от всяких тягостей привиллегированное и ни для кого недоступное сословие. Закон должен быть даже более строг для них: „преступник..., в каком бы то ни было виде, так должен быть наказан, как пренебрегатель высшей над ним власти; и от того наказания ни честь, ни звание и ни другие какие преимущества ко избавлению никогда-б не приписывались, ибо благородный, преступая закон без всякой нужды волею, больше должен наказан быть, нежели подлый человек, неведением впадший в погрешение". Вольность дворянства крестьяне осуждали, видя в ней уклонение дворян от исполнения своего долга перед отечеством и смутно чувствуя ее оборотную сторону, так как знали по горькому опыту, что освобождение высшего сословия от государственного тягла ложится лишним бременем на низшие податные классы. Наоборот, все, что ведет к сближению дворянства с другими, низшими сословиями, встречало всегда сочувствие крестьянских депутатов. Так, напр., одобряли они производство в дворянство по чинам и браки дворян с инословными [2]). Вообще не зная иного устройства государства, кроме сословного, крестьяне все-таки невольно тяготеют к уравнению сословий, к справедливому и безобидному распределению между ними, как прав, так и обязанностей, как выгод, так и тягостей. Они более, чем другие слои населения, стремятся к установлению политического и социального равновесия внутри государства, но не видят иной опоры общественной справедливости, кроме самодержавия государя, который ри-

---

[1]) Т. 8. стр. 188—189. Мн. Чупрова. стр. 132—134. мн. Ключарева. Т. 8. стр. 132—134 и 188—189. Т. 32. стр. 505. Т. 8. стр. 334. Т. 32. стр. 254 мнения Чупрова и Кипенского. См. подписи. Наказы см., например, т. 115 стр. 239 наказ от государ. крестьян Орловского уезда на 234 ст.

[2]) Т. 4. ст. 186 и 190. Т. 32. ст. 181—183, 186, 190—191. См. подписи крестьянских депутатов. Т. 115. ст. 378. Наказ Казанского уезда от ясачных татар. ст. т. 32. ст. 216—218 подписи. Т. 32. стр. 220—223, 238, 251, 254, 258, 268—270 мнения и подписи крестьянских депутатов. Т. 32. стр. 287. Т. 4. стр. 186 и 190 подписи.

суется им на подобие Бога, ко всем одинаково строгого и милостивого, всесильного и безпристрастного, всем равно близкого и далекого, никому ничем не обязанного и ни от кого не зависящего. За эту сверхчеловеческую силу они и держатся, надеясь найти в ней защиту бедных от богатых, слабых от сильных, найти успокоение трудящихся и угнетенных от страданий горькой жизни.

X.

Проблема самодержавия в депутатских наказах от дворянских, городских и сельских избирателей.

Вслед за автором Большого наказа и избиратели, и депутаты от всех решительно сословных групп, говоря о форме правления, не иначе ее себе представляли, как в виде монархии, и притом монархии самодержавной. Но в зависимости от того, поскольку затронуты были они новыми хозяйственными отношениями в самой России и западно-европейской публицистикой XVIII в., и местное общество, в лице сословных избирателей, и их выборные представители в лице депутатов Уложенной Комиссии, представляли себе самодержавную форму правления, то в виде суровой диктатуры самовластного тирана над безмолвной страной слепых и безгласных рабов, то в виде государства просвещенного, с участием подданных в делах центрального и местного управления, с некоторыми сословными правами и, даже, как полагали, правда, весьма немногие, с известной долей гражданской свобсды.

Дворянство, являвшееся практически вершителем судеб Российского самодержавия XVIII в., во всех своих наказах высказывается, конечно, за неограниченную форму правления подводя под самодержавие его исконную теократическую основу. Вслед за Можайскими дворянами, которые повергали себя „ к стопам в самодержавнейшую власть ее всеавгустейшего и. в., истинной матери отечества и правосудия восстановительницы“ громадное большинство избирателей дворянского сословия охвачено было к самодержавной власти Екатерины II теми верноподданническими чувствами, которые лучше всего отразились в высокопарных тирадах Калужского, Медынского и Алексинского наказов. „За все оказанные к нам безпримерные щедроты и материнское благополучие и спокойстве нашем попечение и промысл августейшей всемилостивейшей нашей самодержавницы, не быв в состоянии принести достойного ей от нас благодарения, но только Всевышнему всегда воссылаем от искренности сердец наших молитву, да укрепит ее державу, и да подаст ей свою премудрость ко исполнению благих ее намерений о блаженстве не токмо ее верноподданных, но и всего рода человеческого, и да сохранит здравие ее невредимо, и да сравнит дни жизни ее с числом ее щедрот, подающих нам утешение“. Но вместе с тем для дворян самодержавие рисуется уже в ореоле того просвещенного абсолютизма, которым проникнута была не только теоретическая мысль, на практическая действительность Европейского Запада. Вот почему между Наказом самой Екатерины и взглядами более образованной части дворянского общества в этом отношении можно установить почти полный контакт. Так Московское дворянство „предает себя в радостной надежде милосердию и правосудию ее и. в., которые с высочайшей ее стороны поставляются основанием нового законодаяния.“ А дворяне Михайловского уезда выражают надежду, что самодержавная власть „ для сочинения Нового Уложения преподаст такие святые правила, по которым сочинится

закон ясный и непоколебимый, в котором сынов отечества честь, жизнь и имение будет навсегда сохранено, защищено и оборонено, ябеда и неправда отовсюду изгнаны, не будет слабый от сильного угнетен, бедный от богатого обижен, правый обвинен, преступник законом прикрыт; всякий по своему званию себе принадлежащим действительно в прочности пользоваться станет, следовательно в обширной империи многочисленные народы будут все в благоденствии и тишине пребывать, ровно как у чадолюбивого отца дети в одном доме спокойно жить" [1]).

Городские избиратели идут еще дальше дворян в признании самодержавной власти со всеми историческими сложившимися ее прерогативами. Они дерзают, „припадя к августейшему в. и. в., престола, бить челом" и поручают своим депутатам „просить всемилостивейшего матернего благопризнания" то „припадая к высочайшим стопам е. и. в. до лица земли, во место всех нас, всенижайших, верных рабов е. в.", то повергая „к освещенным в. и. в. императорским рукам с благоговением всенижайшие челобития своих избирателей." Нежинские городские избиратели, напр., называют императрицу Екатерину „богом освещенной и духом премудрости его исполненной." Часто при этом городские наказы, говоря о Екатерине II, впадают в какой-то чисто молитвенный тон. Так избиратели г. Дорогобужа вручают своему депутату длинный перечень поручений „прося притом Всевышняго всех благ подателя, да благословит намерение и конец сего великого дела ко благоденствию любезного нашего отечества и да укрепит державу е. и. в. и учинит нас столь счастливыми, сколь мы ее подданные в верности к ней непорочны." Ясно, что при таком раболепном настроении городского купечества в его глазах авторитет самодержавной власти должен был стоять чрезвычайно высоко. „Если в чем всевысочайшее соизволение последовать может всемилостевейшей и самодержавнейшей нашей государыни е. и. в., тому мы, нижайшие, как верноподданнейшие е. в. рабы, с искренним усердием повиноваться, яко повелению самого бога должны", так буквально в одних и тех же выражениях делали свое заявление жители городов Епифани, Зубцова и Тюмени. У городских избирателей не возникало даже предположения о том, что распоряжение, идущее с высоты престола могло быть не выполнено кем либо из подданных. „В прочем же, какое всевысочайшее воспоследует повеление всемилостивейшей и самодержавнейшей государыни е. и. в., тому мы, нижайшие, всеверноподданнейшие е. и. в. рабы, с искренним усердием повиноваться должны" [2]).

Не сомневаясь в том, что Екатерина II „самодержавною от бога данною ей властью положит твердое основание покою и благоденствию всех сограждан", избиратели торгово-промышленного класса в духе теории просвещенного абсолютизма сравнивают всего чаще самодержавного монарха с чадолюбивым отцом. Они считают „великим" такого государя, который, „неусыпное" прилагает попечение, „чтоб верноподданных своих привести в цветущее состояние и оградить непременяемыми законами" и „несомненно уповают," что такой самодержец „по своей премудрости и милосердию все то устроит, что только к пользе и благополучию их служить будет." Просвещенный характер самодержавия Екатерины II неоднократно подчеркивается городскими избирателями в их наказах. Так по словам Рыльского купечества, императрица предприняла „толь редко бываемое дело—восстановление благосостояния всех своих верноподданных

---

[1]) Т. 8 ст. 543 и 536. т. 4 ст. 287. т. 4 ст. 233. Ibid ст. 271—272.
[2]) Т. 144. ст. 22. т. 134 ст. 109. т. 107 ст. 10. Ibid ст. 298. т. 134. ст. 375.

не по их о том просьбе, но по самодержавной своей власти,“ она, „милосердуя о них, снисходит, удостоив их созывом депутатов“ [1]).

Но раболепно преклоняясь перед царем самодержцем, хотя и просвещенным, купцы, однако, все время имеют заднюю мысль, что таким путем они скорее всего добьются улучшения своего сословного положения. Об этом прямо заявляет Архангельский наказ: „надеемся с глубочайшим смирением, что наше к е. и. в. верноподданническое повиновение всемогущий бог благословит чрез произведение новых прав и законов“ [2]).

Избиратели из среды сельского населения были еще более сторонниками неограниченной самодержавной власти, так как считали, что она лучше всего может оградить их от чрезмерных притязаний господствующих классов-дворян землевладельцев и купцов торговопромышленников. При этом чем ниже стоял на социальной лестнице тот или иной разряд сельских избирателей, тем сильнее и искреннее была его вера в спасительность самодержавия. Начнем наш обзор со взглядов казачества.

Само собою разумеется, что к самодержавному государю казачество относится с безусловной преданностью и считает своей священной обзанностью всецело и беспрекословно подчиняться ему всегда и во всем. Все решительно избиратели от казачьих полков выражают самые горячие подданнические чувства, именуя себя то „всеподданнейшими рабами,“ то „всенижайшими рабами“ а от императрицы ожидая высочайшего матернего милосердия.“ Конечно „всепресветлейшая, державнейшая е. и. в. высокая особа“ в глазах казаков стояла неизмеримо высоко над раболепно склоняющимися перед нею верноподданными. Ясно, что они во всевысочайшую е. и. в. предавались волю и ни о каких политических правах для себя не помышляли. В этом отношении очень типичным является заявление новокрещенных Терских и Окоченских казаков от Кизлярского Терского войска: „что же касается до сочинения проэкта Нового Уложения, то мы, всеподданейшие рабы, повергаем себя в высочайшее е. и. в. матернее соизволение, и такою матернею оное для всего государственного общества, и пользы утвержденно и освященно будет, оное зависит от высокого соизволения“ [3]).

Что касается политических взглядов однодворцев, то нечего и говорить, что они считали себя „безгласными“ и „всенижайшими“ рабами, а императоров —неограниченными самодержцами. В этом взгляде они вполне были согласны с казачеством. От этих государей, стоящих выше всякого закона, никому не под‘отчетных, безгранично свободных,—однодворцы и ожидали „всяких милостей как от своих „попечителей“ и защитников в случае притеснений всевозможных „сильновладельцев“. Власть государя представлялась им хранительницей общественной справедливости, оплотом нисших сословий против стремления высших к исключительному господству. От нее они ждали рассмотрения их прошений и милостивой резолюции. Им ничего иного не оставалось, как ожидать „е. и. в. матернего милосердия“, или, как писали в своем наказе однодворцы и старых служб служилые люди Калужской провинции, „Мы всеподданнейшие е. и. в. рабы, чрез сие наше челобитие, представляя с растворением, по предписанным обстоятельствам, течения слез, приемлем смелость всенижайше просить,

---

[1]) Т. 144. ст. 3 и 14. т. 134. ст. 375. 144 ст. 393.
[2]) Т. 123 ст. 481.
[3]) Т. 115 ст. 469. 522, 455. 527. 528 Т. 115. стр. 469.

дабы соизволено было в сходственность законов, сделать с нами, беднейшими, благопристойную милость" [1]).

Крестьянам избирателям власть самодержца рисовалась также как казакам и однодворцам, безгранично свободной в своих действиях. Представляя, напр., свои прошения они боятся разгневать самодержца даже простым упоминанием о тяжести налогов и готовы отказаться от всякого желания, неугодного власти Ясно, что ни о каких правах подданных и обязанностях самодержцев они и подумать не смеют. Вообще сельские избиратели из черносошных и приписанных к заводам крестьян держутся за самодержавие, как за привычную, веками освященную форму правления. „Ее и. в. самодержице всероссийской всегда воздаем благодарствие и послушание, что сохраняемая во благоденствии и тишине," торжественно заявляют крестьяне Кокшенской четверти Ваусского уезда. Их наказы полны благодарности императрице за то, что „матернее Ваше милосердие до нас, всенижайших верноподданных, соизволило". При этом они подчас оговариваются, что о своих отягощениях они „ со страхом вспомянуть дерзают, чтобы то было не в противность е. и. в." Ни о каких требованиях к верховной власти с их стороны не может быть и речи, когда они, как то читаем в наказе государственных крестьян Старицкого уезда, категорически заявляют „если в чем высочайше воспоследовать может повеление всемилостивейшей нашей государыни, то мы, нижайшие, как верноподданнейшие е. в. рабы с глубочайшим усердием повиноваться, яко повеления самого бога, должными остаемся" [2]).

Если так высказывались о самодержавии избиратели чисто русского происхождения, положение которых в пестрых по своему племенному составу владениях Екатерины II, бозусловно более ограждено от произвола власти, сравнительно с многочисленными инородцами, вошедшими в пределы русского государства в качестве населения завоеванных областей, то мы заранее можем себе представить, как должны были высказываться в своих наказах татары, мещеряки, киргизы, башкиры, армяне и прочие подданные русских самодержцев, не принадлежавшие к господствующей народности. Эти окрайные избиратели всемерно стараются подчеркнуть, что между ними и остальными жителями государства нет ни малейшей разницы во взглядах на сущность самодержавия и на его теократическое обоснование. Подобно другим избирателям инородцы не претендуют на какие-либо политические права. „И что от е. и. в. по самодержавному е. в. изволению о сочинении проэкта Нового Уложения узаконено будет," говорят, напр., живущие в Кизляре армяне, „и мы тому закону себя подвергаем" [3]).

XI.

Отношение к самодержавной власти различных сословных организаций законодательной Комиссии 1767—68 г. г.

На заседаниях Большой Комиссии вопрос о форме правления затрагивался, конечно, не раз. Бесспорно все говорившие депутаты были сторонниками самодержавия, но нам любопытно подметить различные оттенки в трактовке ими этой проблемы и ознакомиться с их аргументацией по этому поводу.

---

[1]) Т. 115. ст. 77, 185. 299 и другие наказы. Т. 115. ср. ст. 11 ст. наказ Корельских однодворцев на ст. 23.

[2]) Т. 223 ст. 75.

[3]) Т. 134 ст. 236.

В глазах дворянских депутатов авторитет самодержавной власти стоял очень высоко. Они в этом отношении шли пожалуй еще дальше своих избирателей, наделяя императрицу Екатерину самыми выспренными и цветистыми эпитетами. Так, напр., Языков, депутат от Ростовских дворян, называет Екатерину „Всемилостивейшей нашей законоположницей, яко матерь, пекущейся о всех ее подданных.“ О „неизглаголенном е. и. в. милосердии“ заявляет Нижнеломовский дворянский депутат Евсюков [1]).

Вслед за своими избирателями представители поместного дворянства рисовали себе политический строй современной им России и положение в нем верховной власти приблизительно в таких чертах. В их сознании государь мыслится то в образе деспота, то в виде монарха, правящего страной по твердым законам, хранителя внутреннего мира и внешней безопасности. И эти последние взгляды среди дворянских депутатов встречаются гораздо чаще, чем первые. Очевидно, в их глазах российское самодержавие XVIII в. должно было отливаться в форму просвещенного абсолютизма. Так самодержец представляется депутату Похвисневу „единым источником добра и благодеяний, удаленным от всякого пристрастия“. „Власть дана ему от самого бога, как заявил однажды в Комиссии депутат Кондырев. Эта власть ничем не связана, все делает единственно по свободной своей воле, а не по принуждению“. Всякий монарх—думал депутат Зарудный,—как самовластный в свем государстве, нужды иметь не может, а может иметь только надобность, и не по нужде, но по надобности учреждает и умножает войско; поэтому всякий монарх властен, как учредить армию, так и всякого пожаловать по достойнству. Только он один может увенчать совершившего достохвальные подвиги“ и потому, если, напр., пожалование дворянским достоинством будет зависить не от него одного, а от многих, то „сие неминуемо произведет уменьшение его славы“. Более подробно эту мысль о самодержце, как источнике наград и милостей, развил депутат Полетика, который в своей речи, между прочим, сказал: „Во всех благоучрежденных монархиях верховная власть, сидя на престоле и имея все чести и преимущества в своих руках, разделяет оные по мере каждого заслуг и достоинств“. Неограниченный монарх один только является источником законодательной власти. „Господа депутаты—говорил однажды упомянутый выше Кондырев.—полагают закон и возражают друг против друга“. Но „можно ли разноречием связанный закон утвердить, кроме бога и государя? Кто те все премудрости может восстановить, кроме премудрой нашей государыни? Она восстановит нам новый закон и утвердит молящих в славу свою во веки“. Желание государя—закон для подданных [2]).

Однако, самодержавная власть, при всей своей беспредельности, не все может делать без ущерба для себя самой, как предполагали многие из дворянских депутатов. Так депутат Полетика в одной из своих речей намекнул, что отмена законов Петра Великого о приобретении дворянства была бы „предосудительна чести и неприменяемому слову российских монархов“. А депутаты окрайных провинций прибалтийских и малороссийских вполне открыто заявляли, что императоры обязаны соблюдать данное ими слово и не нарушать местных привилегий и вольностей. Тот же вопрос о самоограничении самодержавной власти был затронут депутатом Козельским, сказавшим однажды в Комиссии,

---

[1]) Т. 14. ст. 44. Ibid у. 99.

[2]) Т. 4. ст. 191. Т. 32 ст. 418. Т. 4. ст. 184. Т. 36. ст. 348. Т. 32. ст. 418. Т. 32 ст. 480. Речь деп. Коробьина ст. т. 4. стр. 318 и т. 36. Речь деп. Татищева.

что „сама верховная власть, по самодержавию своему, от всех подданных не требует более определенной всякой службы, кроме на содержание необходимой войны, но и та бывает для восстановления общего уже благоденствия и для утверждения постоянного мира и всенародной тишины“. В этой речи депутата Козельского весьма ценным является то принципиальное утверждение, что неограниченная самодержавная власть, хотя и может, но не простирает своих требований за пределы государственной необходимости, т. е. она представляется не голым произволом императора, а государственною деятельностью, направленной к достижению общего блага. Лучшим средством для установления прочного правового базиса под зданием самодержавия представляется дворянским депутатам усовершенствование законодательства. Эту мысль несколько простодушно и лапидарно выразил депутат Борзов. „Владеющая нами, во всем свете потентатом образец, прозорливая монархиня“, сказал он по одному поводу в заседании Большой Комиссии, „верноподданных своих на верх благополучия возвесть желая, средство столь высоких и спасительных намерений своих из недр божественной премудрости почерпла—новые в своем подданстве основать законы; а чтоб толь премудрых и сынам российским спасительных ее намерений дела в нашем собрании сходственно с святостью оных текли, то всем, кто собрания сего в сочлены посвящен, безопасно говорить и мыслить в пользу общества свободу дарует“ [1]).

В еще более высокопарных выражениях высказываются о самодержавии Екатерины II городские депутаты, подчеркивая приэтом довольно часто просвещенный характер ее абсолютизма. Каширский депутат Крастелев, напр., „отваживается сказать почтенному собранию, что ни одного такого не сыщется, который бы мог описать великие материнские о нас попечения императрицы,“ причем ее он называет „премилосердной монархиней, изливающей на нас свои щедроты“. О „высокоматерних попечениях и неутомимых трудах“ государыни говорит Серпейский депутат Глинков. О „высоко премудрых правилах“ „пекущейся о блаженстве всего вверенного ей от бога народа“, „премудрой матери отечества,“ говорит и Углицкий депутат Сухопрудский. По его словам члены законодательной Комиссии „усчастливились здесь“ находиться по милости императрицы. По мнению Тарского депутата Бекишева „все люди всемилостивейшей государыне воздадут в потомственное время и ныне славу и вечную благодарность за отданные от е. в. Российскому отечеству материие труды. Екатерина в глазах Рыльского депутата Филимонова—„установительница общего блаженства“. Тобольский депутат Медведев убежден в том, что у Екатерины „при рассматривании всякого дела присутствует мудрость и водит десницу ее к начертанию вечной правды“. В манифесте о созыве Комиссии она, по словам Балахнинского депутата Щепетильникова, „всемилостивейшими словами, как-бы златыми устами изʻяснить соизволила“ человеколюбивые правила. Вполне естественно, что Иркутский депутат Серебряков с пафосом заявлял в Комиссии, цитируя Большой Наказ: „Да успокоятся теперь все страны Российские, ибо они достигли до таких времем, в которые настанет сама истина“ [2]).

Депутаты других сословных групп, как-то казаков, однодворцев, старых служилых людей и черносошных крестьян не раз высказывались с трибуны Законодательной Комиссии за самодержавную форму правления. Как представи-

---

[1]) Т. 36. ст. 346 ср. т. 32. ст. 251 мнение деп. Глазова. Т. 32. ст. 500. Т. 36. ст. 291.

[2]) Т. 32. ст. 365. Т. 8 ст. 91. Т. 32 ст. 374. и 535. Ibid. ст. 388. Ibdi. ст. 551. Ibid. ст. 205. Ibid ст. 236. Т. 14. ст. 132.

тели нисших слоев населения, которых слишком давил гнет сословных привилегий дворянства и купечества, они убежденно отстаивали прерогативы неограниченной власти, глубоко веря в то, что один только абсолютизм монарха может служить для них щитом и обороной. Вот почему в их речах гораздо больше искренности и между строк нигде не подметишь у них затаенной задней мысли.

Так в полном согласии с своими избирателями и товорищами-депутатами Сибирский казак Анцыферов мог сказать в Комиссии: „полагаюсь я на произволение божие и поставленной над нами его-же светлым промыслом всемилостевейшей, премудрой и крестоносной помаззницы, которая без наших дальних запросов, при помощи Создателя и своих верноподданных и разумом просвещенных слуг, не оставит исполнить начатое предприятие и утвердит оне на общую всем пользу". Имератрица, по его словам, в манифесте о созыве Комиссии „своими и яко златыми устами говорить изволит". Она—все—истинная христианского отечества мать„ яко истинная желательница возобновить христианское блаженство... желает такое-ж непоколебимое правосудие в веке своем преславно утвердить" [1]).

Как понимали казаки права монарха и сущность самодержавия, видно из слов того же депутата Анцыферова, который по поводу вольности дворянства сказал: „Я с своей стороны никого, кроме одного самовластного монарха, свободным почесть не согласен, потому что государь никому в свете о своих делах ответ дать не должен, а благородные или высокопочетнные дворяне, не только одному государю, яко предержащей и Богом установленной власти, но и... царским законам и прочим судебным правительствам во всех зависящих от службы и должностей их в государстве делах, равно как и все верноподданные рабы, ответ дать повинны. А когда состоит кто под законом, тот и свободным назваться не может". Следовательно, политический строй России представлялся казачеству таким порядком, когда во всем государстве есть только один свободный человек—самодержец, никому не дающий отчета в своих делах, не подчиняющийся никаким законам; пред этим единственно свободным лицом все прочие люди—рабы, равные в своем безправии, под'отчетные и подзаконные. За Самодержавие, по взгляду Анцыферова, есть безграничная свобода одного при безграничном-же рабстве всех. Так думал не один депутат Анцыферов, но и другие представители качества. Тамбовцев, напр., говорил, что самодержавный государь—источник всякой власти и никаких обязательств по отношению к своим подданным он не имеет и иметь не может [2]).

В абсолютизме Екатерины II члены казачьей фракции законодательной Комиссии усматривали проявление вполне просвещенной власти. Так депутат Чугуевского казачьего полка Степан Демьянов, называя казаков „последнейшими рабами," превозносит Екатерину, как за ее законодательные работы, так и за созыв Комиссии о сочинении Нового Уложения. „Мы предвидим" высокопарно заявляет он, „сколь под'емлющие е. и. в. труды в столь пространном ее государстве к восстановлению доброго порядка, блаженства и спокойства истекают." Новое-же Уложение, которое должно быть составленно Комиссией депутатов, по его мнению, является „таким знаменитым установлением, которое всемилостивейшая государыня, премудрая мать отечества благосоизволит... по своему материнскому великодушию благочестием восстановить каждому блаженство" [3]).

---

[1]) Т. 8. ст. 157. 249. Т. 32. 413, 459—461.
[2]) Т. 36. ст. 300—301. Т. 32. ст. 296. ст. ст. 294 мнение Анцысырова.
[3]) Т. 8 ст. 262. и 224 ст.

Депутаты от однодворцев, пахатных солдат и старых служб служилых людей по вопросу о форме правления, равно как и в своем отношении к особе императрицы были в полном контакте с казачьей фракцией. Так депутат пахатных солдат Пензенской провинции Селиванов проникнут к особе императрицы таким религиозным пиэтетом, что ее Большой Наказ, по его мнению, весь состоит из статей, в которых христианские правила изложены ее „пребожественнейшими словесы".

Однодворческий депутат Веденеев называет Екатерину „попечительницей всего Российского народа", а депутат от однодворцев Елецкой провинции Давыдов—„виновницей нашего блаженства" и говорит, что ее узаконения написаны „божественными словесами". Представители однодворцев и прочих близких к ним социальных групп тоже подчеркивают в своих заявлениях с трибуны Законодательной Комиссии мероприятия Екатерины в духе просвещенного абсолютизма. Воронежский депутат Фефилов, напр., заметил однажды в Комиссии, что Екатерина II „не с тем оказывает матернее свое попечение о верных сынах отечества, чтоб один род возвысить, а другой унизить, но, по вдохновенной в сердце ее от Всевышнего премудрости, она распространяет на всех своих верноподданых милосердные щедроты и всех желает видеть в... благополучии" [1]).

Депутаты от крестьян разных наименований не составляют исключения в общем хоре всех членов Комиссии, которые словославили императрицу Екатерину. Так по словам депутата от крестьян, приписанных к Барнаульскому заводу, Карышева ее „высочайший разум весьма превосходит понятия смертных". Для них власть самодержца рисовалась также как казакам и однодворцам безгранично свободной в своих действиях, неподзаконной и непод'отчетной, не связанной никакими обязательствами по отношению к подданным. Милость самодержца—вот на что уповает крестьянство, верящее, что эта милость распространяется на всех добродетельных и честных людей, независимо от их общественного положения. Самодержавие мыслится крестьянством как власть демократическая, благодеяния которой всем доступны и любовь которой к бедным и убогим само собой предполагается. Ведь „и Всевышний Творец, сам Господь Бог, нам путь дал, попечение о нищих, бедных и обиженных иметь". По этому пути самодержавная власть и предписывает идти; по крайней мере, один из самых видных крестьянских депутатов Чупров высказался в Комиссии именно в этом духе. Он сказал, что „депутаты не на то собраны, чтобы честь себе приписывать, но о узаконении всех вообще и каждого особенно заботиться и... не оставить никакой вещи без узаконения". Закон должен предупреждать и искоренять „вредные случаи", т.-е. преступления: „Это сходно и с св. Писанием. Да к чему-же злоупотребление отвращать тако же законами? И от чего бедные люди будут охраняемы, как не законом-же"? Вообще закон должен строго следить, чтобы „недостаточные" от „полномочных" не были обижены. Таким образом роль закона при самодержавии сводится к тому, чтобы осуществить волю самодержца, именно—оградить благополучие всех и каждого, особенно-же позаботиться о том, чтобы бедные и слабые не остались беззащитными против сильных и богатых [2]).

Что касается инородцев, то их депутаты в Комиссии ничем не отличались от представителей других разрядов населения—ни во взглядах на самодер-

---

[1]) Т. 32. стр. 430. Т. 14. ст. 59 Ibid ст. 165. Т. 36. ст. 330. Т. 4. стр. 213.

[2]) Т. 8. ст. 274. Т. 32. Мнение Тамбовцева см. подписи крестьян Ibid. ст. 503—504 и 257.

жавие, ни в оценке деятельности самой Екатерины. Так о верноподданных рабах, исполняющих волю императрицы, предначертанную в Большом Наказе, говорит, напр., Авдул мурза Даушов, депутат от служилых мещеряков Исетской провинции [1]): [illegible]

XII.

Вопросы управления, суда и законодательства в освещении избирателей и депутатов от дворян и горожан.

Устанавливая на проблему государства чисто сословную точку зрения, и избиратели, и депутаты 1767 года не могли, конечно, представить себе разнообразных государственно-правовых институтов иначе, как основанными на классовых привилегиях и сословных вольностях. Вот почему познакомившись с предпосылками принципиального характера по наказам, присланным в Законодательную Комиссию, и по речам, произнесенным в ней, мы должны теперь вскрыть главнейшие пожелания различных слоев русского общества средины XVIII века относительно организации основных функций проектированного ими сословного государства, а именно, как мыслило тогдашнее русское общество устройство местного и центрального управления, систему судебных учреждений и реформу законодательных органов. Всего целесообразнее анализ этих предположений построить на чисто-классовом основании, начав свой обзор с дворянского сословия и спускаясь все ниже и ниже до дна русской общественности эпохи Екатерины II.

Достаточно беглого знакомства с дворянскими наказами, а также речами и проектами дворянских депутатов, чтобы сказать, что Россия, как на местах, так и в центре, должна была управляться при ближайшем участии „добродетельнейшего корпуса дворянства". Дворяне каждого уезда составляют особое, управляющееся само собою, общество, во главе которого стоит предводитель. Воля дворянского общества выражается на с'ездах дворян; эти с'езды избирают предводителя и других должностных лиц, ведающих дела этого общества, принимают от них отчеты, сменяют их и даже наказывают; с'езды также и судят дворян между собою, стараясь о их примерении. Но этого мало. На с'езде следует также „рассуждать и рассматривать, все ли в уезде в силе законов исполняется и не бывает-ли кому от судебных мест... или от кого бы то ни было какого утеснения; и ежели усмотрят, что происходить будет к ущербу казенному или к неисполнению законов или к утеснению дворян и крестьян, в таком случае... упомянутому собранию прямо от себя, выбрав депутата, через оного, с верным и ясным доказательством представить в... сенат". Таким образом дворянский с'езд ведает не одни только внутренние дела дворян каждого уезда, но и следит за законностью в уезде, охраняет от притеснений всех жителей, о нарушениях закона и злоупотреблениях доводит до сведения высшей власти. Следовательно, ему принадлежит контроль над администрацией и судом. Точно так-же, по мнению некоторых дворян, и предводителю дворянства вручается контроль над действиями воеводы, которого с'езд; по представлению предводителя, может и сместить. Многие дворяне думали, что вообще всех должностных лиц уезда следует выбирать на дворянском с'езде из членов дворянского общества, перед которым они были бы ответственны за свои действия по службе, а

---

[1]) Т. 8. ст. 191.

в случае преступлений—судились им и наказывались. В ряду таких выборных должностных лиц дворянам ярко рисовалась должность особых становых комиссаров или опекунов, которые, управляя округом с населением около 10000 душ, должны „восстановлять согласие, миролюбие, тишину и справедливость; прилагать наивозможнейшее старание о добронравии, домашней экономии и установлении во всех делах порядка; споспешествовать безопасности от разбойников, воров, насильников, обманщиков и сим подобных; отвращать непорядочное и непотребное житие и некоторым образом принуждать к трудам и к промыслу советами и наставлениями, наблюдать исправность... дорог..., предостерегать... заразные болезни, защищать безгласных вдов, сирот и неимущих; словом во всем оным опекуном быть душею своей округи и всех добрых порядков и быть подпорою добродетелей, правды и согласного общежития". Через этих выборных дворян-опекунов вся жизнь каждого стана оказывалась-бы под самым бдительным присмотром дворянства, причем такой опекун должен был вникать даже в домашние и хозяйственные дела, следить за ежедневными занятиями всех жителей, заботиться о их нравственности и благосостоянии. Жизнь и управление всем уездом сосредоточились-бы тогда в руках дворян и их выборных представителей. Правда, не все дворяне так далеко заходили в своих мечтах об участии в местном управлении. Некоторые более скромно думали, что было-бы хорошо, если бы только часть местных властей была выборной из дворян, остальные-же по-прежнему назначались правительством; но контроль над их действиями и по мнению этих дворян должен был все-же оставаться в руках дворянских предводителей и дворянского общества [1]).

Так же точно и в устройстве суда первое место дворяне отводили своему сословию, рассчитывая, что участие в этом деле дворянства улучшило-бы правосудие, уничтожило волокиту и взяточничество—две главные язвы суда того времени. Для достижения этой цели уездные судьи должны избираться дворянскими с'ездами; им судьи дают отчет о своей деятельности, могут ими быть судимы, наказываемы и сменяемы. Впрочем, не все дела подлежат ведению этих судов: важнейшие уголовные и гражданские подведомственны судам коронным, в которых должны, однако, быть особые выборные дворянские представители, наблюдающие за действиями назначенных правительством судей и защищающие всюду и везде интересы дворянства. Эти представители, под именем прокуроров или депутатов, имели бы право делать указания судьям, если последние отступали от закона, а на упорствующих могли бы доносить высшему правительству [2]).

Так рисовалось дворянству Екатерининского времени устройство местного управления и суда. Гораздо труднее выяснить воззрения дворянства на устройство центральных государственных учреждений. Об этом наказы молчат, да и депутаты касались этих вопросов очень мало и вскользь. Однако, можно с уверенностью сказать, что и порядки общего, центрального государственного управления представлялись дворянству по образцу уездного, только скромные уездные избиратели не осмеливались касаться этих вопросов высшей внутренней политики. Все-таки, некоторые наказы говорят, напр., об учреждении особых постоянных дворянских депутатов, призванных защищать интересы первенствующего сословия в центральных столичных правительственных учреждениях.

---

[1]) Т. 4. ст. 237. Боровский наказ. Ibid. стр. 266. Козельский наказ. Т. 14. ст. 337. Псковской наказ. Passim в наказах см. наприм. т. 4. ст. 460, 273, 266, 410, 335 и др.

[2]) Т. 4. ст. 436, 460, 272—273, 292, 308 и др. наказы.

Так, Клинские дворяне считали необходимым, чтобы в столице всегда присутствовали от каждого уезда особые депутаты, ежегодно избираемые. Такой дворянский депутат „не долженствует быть обязан никакими государственными делами, а единственно, живучи в Москве, старание иметь должен в вотчинной коллегии... и в проч. судебных местах о всех делах дворян своего уезда..., чтобы как наискорее решены были, но не касаясь, однако, сам ни в какое об оном рассуждение"... Для того-же, чтобы „старания" этого уездного дворянского депутата были успешны, его следует „поручить... в покровительство государственному депутату, который бы состоял из персоны I или II класса, а не менее, и также бы более сего звания никакими другими государственными делами был не обязан, дабы единственно попечение имел о доставлении дворян, чрез немедленные дел их решения совершенным спокойствием, в необходимых-же по обстоятельствам случаях, дерзновение мог иметь... докладывать е. и. в.". Эти депутаты, уездные и государственные, повидимому, представлялись Клинским избирателям ответственными перед дворянскими с'ездами [1]). Мысль, которую хотели выразить в своем наказе Клинские дворяне, весьма замечательна, но плохо развита. Неизвестно, напр., один-ли на всю Россию должен был быть такой „государственный депутат" от дворян и как именно он избирался—с'ездом ли всех дворян государства или уездными дворянскими депутатами. Не ясно также, ограничивалась-ли его деятельность только защитой дворянских интересов в центральных судебных местах и правительственных учреждениях, или же и ему, подобно дворянским предводителям в уездах, должен был принадлежать надзор за законностью действий правительственных лиц.

Мысль о специальном, постоянном выборном защитнике сословных дворянских интересов была среди дворян очень распространена и пользовалась большим одобрением. Это видно из того, как смотрели дворяне на своих депутатов, посланных ими в Комиссию для сочинения Нового Уложения. В них дворяне видели скорее своих ходоков, обязанных отстаивать интересы избравшего их уездного дворянского общества, чем участников в деле законодательства с функциями общегосударственного характера. Депутат должен был действовать в интересах своих избирателей и дать им отчет в своей деятельности, причем за упущение ему грозило наказание. Если же он найдет нужным представить что-либо в интересах своих избирателей от себя лично, то должен об этом уведомить пославшее его общество. И депутаты строго держались этого взгляда, считая себя даже не в праве отступить в чем бы то ни было от порученного им ходатайства. Таково было—обычное понимание дворянством депутатских обязанностей. Только немногие, более развитые дворянские депутаты, как Коробьин, Козельский и др., понимали, что депутаты призваны для отстаивания всего того, что каждый из них почтет за лучшее, и полезное для государства. Другим же подобные выступления казались нарушением депутатского долга и вмешательством в чужое дело. Правда, дело законодательства дворяне также не упускали совершенно из виду, но участие в нем представителей сословий они считали, повидимому, временным и чрезвычайным событием, которое вызвано необходимостью составить Новое Уложение, считали свою Комиссию как-бы Земским собором. Деп. Языков, напр., говорил однажды в Комиссии, что „самодержица наша... созвав нас к толь великому для всей империи делу... требует от нас не такого закона, который бы для одной части людей постановил все полезное, а для другой отяготительное, но повелевает, чтобы мы беспристра-

[1]) Т. 4. ст. 258—259.

стно об'явили наши мысли, служащие к законоположению и сходно со всеобщею пользою и благоденствием всех ее подданных". Дворянство желало, чтобы „всем для правосудия повелено было в Комиссии о каждом деле порознь и к тому прилично состоявшиеся указы... рассмотреть и излишнее отрешить, о недостающих, рассмотря, дополнить и о каждом деле учинить порознь, дабы при решении дел видно и без затруднения было". По сочинении Нового Уложения „впредь сепаратных указов не издавать... а все суды... единственно производить... по одному Уложению, не толкуя инако,... а ежели чего в Уложении доставать не будет, в таком случае Сенату всех коллегий с президентами рассмотреть и, положив на мере, взнесть в доклад к конфирмации е. и. в. и конфирмацию припечатывать к тому-же законному Уложению". [1]) Таким образом, порядок издания новых законов в обычное время, после составления Нового Уложения, мыслится дворянами уже без участия сословных представителей: сенат, совместно с президентами коллегий, изготовляет закон, утверждаемый императором.

Только некоторые отдельные депутаты осмеливались говорить о том, чтобы центральное правительство было представительным учреждением. Так, кн. М. М. Щербатов в одном замечательном проэкте, который он намерен был представить в Комиссию о сочинении Нового Уложения, писал: должно, чтобы и „вышнее правительство не только правосудием блистало, но и могло бы быть предохранено от наветов... и прозрело бы ту поверенность от народа, которая доставляет прочное удовлетворение и дает народу силу с радостью и без жалобы сносить наивеличайшие тягости, вызывает любовь и усердие, а с другой стороны и самому вышнему правительству сочиняет наивысшее блистание и славу". „Лучший способ украсить еще и народною поверенностью" наше высшее правительство, именно сенат, „был бы допустить к участию и заседанию в нем депутатов по избранию дворянскому, не пожизненно, а на 4 года". Эти сенаторы „возвращаясь в свои уезды, словесно защищая там себя, будут защищать и все собрание и покажут, насколько достойны сенаторского звания" его члены, „из'яснят незнающим необходимость налогов и просветят очи на правосудие этого важного учреждения и на его доброе управление, а сами они, имея ввиду свое возвращение в свое прежнее состояние, будут стараться" в сенате „стать достойными того важного места... и оправдать поверенность к себе собратьев" За противозаконные деяния эти выборные сенаторы „не могут быть судимы никем, за исключением их собратьев депутатов, выбранных от губерний для присутствия в вышнем правительстве" [2]). Так завершалась дворянская мысль о политическом господстве „благородного" сословия в России.

Теперь обратимся к городским наказам и к выступлениям городских депутатов в Комиссии 1767 года. Посмотрим прежде всего как с точки зрения купечества должно быть устроено сословное государство? Какая роль в нем принадлежит купечеству? Оно—не последний член этого общества, оно должно пользоваться сословным самоуправлением и принимать участие в управлении и суде. Пусть купечество каждого города составляет особое общество во главе с магистратом, члены которого избираются общим собранием купцов на 2—3 года. Магистрат ведает купечество во всех делах, судит и управляет им. Без ведома магистрата купцов „ни по каким делам под караул не брать и телесно не наказывать", „в домы их ни зачем не ходить, дабы не последовало купечеству

[1]) Т. 4. ст. 397, 414, 424. Т. 32. ст. 420—421 мнение Глазова. Ibid. ст. 483, 495. Ibld. ст. 519—520 мнение Забелы. Т. 8. стр. 244. Т. 4. стр. 359 Серпуховский наказ. Т. 8. ст. 443 Керенский наказ.

[2]) „Минувшие годы" за 1908 г. кн, 11. ст. 272—273.

какого разорения и подрыва напрасно“ [1]). За исключением важнейших государственных преступлений, купец во всех делах судим только магистратом. Но магистрат не только защитник сословных интересов купечества, но и орган местного городского управления, которому подчинены все горожане. Как глава городского управления, купеческий магистрат ведает полицию, городское хозяйство, школы, медицину и пр.; он же исполняет всякие поручения и распоряжения центральной власти, собирает подати и распределяет повинности. Подобно тому, как дворяне считали самым лучшим такой порядок, когда во главе уездного управления будут стоять выборные ими должностные лица, так и купечество думало о господстве в городском управлении.

Задумываясь над тем, каким образом лучше обеспечить честь и интересы своего сословия, некоторые из купеческих обществ уже тогда находили, что одного сословного самоуправления и господства в городском самоуправлении недостаточно. Подобно дворянам они приходили к мысли о необходимости особых депутатов, которые блюли-бы купеческие честь и интересы во всех государственных учреждениях. Яснее всего эта мысль выражена была в Волоколамском наказе: „купечество-бы кроме своего суда нигде не судить и ни в котором месте не задерживать, штрафов не чинить, имений их не конфисковать; а чтоб оно защищаемо было и свое удовольствие имело, то в каждом городе быть того-ж места купецкому особому депутату, а в Москве и в С.-Петербурге нескольким человекам, и оным во все присутственные места... свободный приход и за купечество... просьбу дозволить употреблять невозбранно“. Столичных же депутатов „для общей всего государства купецкой пользы“ „выбирать по очереди из городов и быть им на жаловании от купечества всего государства. И уполномочить их высочайшею е. и. в. милостью,... какою пожалованы все нынешние городовые депутаты... Когда-ж последовать могут о генеральных, касающихся до общих установлений, разсуждения в Пр. Сенате или в Св. Синоде или в Коллегиях, то-б и Глав. Магистрата присутствующие и сии депутаты в Сенат и Синод призываны, а из Коллегий сообщения в Глав. Магистрате учинены были и голоса от членов и от депутатов приниманы“. Нерехотское купечество высказывалось за то, чтобы в Коммерц—и Мануфактур—Коллегиях, а также и в Гл. Магистрат было определено „по несколько персон из московского и др. знатных городов лучших купцов на жалованье“, отчего „российское купечество, коммерция и мануфактуры... могут размножаться с хорошим успехом, ибо, натурально, не столько воинские командиры в коммерции упражнялись, сколько купцы, тем больше купцы все полезное для коммерции, мануфактур и фабрик знать и каждое художество в лучшее состояние приводить могут“ [2]). Таким образом, в купечестве жила мысль о пользе и необходимости участия представителей этого сословия в главных государственных учреждениях, ведающих торговлю и промышленность, а также и о необходимости создания особой должности постоянных сословных депутатов, местных и центральных, для защиты чести и интересов своего сословия, как в судебных местах и административных учреждениях, так и в высших государственных органах, ведающих законодательство и управление. Какие обязанности возлагало купечество на таких депутатов, как оно на них смотрело и какую роль в государственной жизни им отводило,—обо всем этом можно догадываться по тому, как относилось купечество к своим избранникам в Ека-

---

[1]) Сб. Ист. Об-ва Т. 93. ст. 85.

[2]) Т. 107. ст. 72—73. Ср. 93 т. ст. 371. Рузский наказ. Т. 93, ст. 516. срав. т. 107 ст. 29. наказ г. Мосальска.

терининскую Уложенную Комиссию. Избрание этих депутатов и подало, вероятно, городовому купечеству мысль о пользе постоянного сословного представительства.

Посылая своего депутата в Комиссию, купечество, как и дворянство, видело в нем прежде всего ходока по делам своего общества, но некоторые общества поручали еще депутату стараться, чтобы „в сочинении законов право иследственное опекунство и проч. утверждены были наияснейшим образом и чтоб все учрежденные права... к частым переменам не могли подвергнуты быть, дабы тем благополучием, которое надеемся от благоволения нашей щедрой монархини получить, могли мы, да и дальнейшие наши потомки пользоваться.“ Здесь избиратели уже ставили своему депутату более широкие задачи: преследование интересов целого государства, заботу о качестве законов и даже—о их прочности, устойчивости и незыблемости. Депутаты призваны, по мнению одного из них—Тобольского купца Медведева—не только представлять о нуждах их избирателей в Комиссии, но и „быть судьями общенародных дел;“ это нисколько не противоречило взгляду на самодержавного государя, как на вполне свободного в своих действиях владыку безправных рабов. Напротив, неизменность данных им законов даже прямо вытекала, по мнению некоторых представителей купечества, из понимания ими сущности самодержавия. Так, Каргопольский депутат Марков поднял в Комиссии вопрос „могут-ли преподаваемые от государей своим подданным законы пременными быти“. На этот вопрос он отвечал отрицательно, думая, что изменчивость законов умалила бы благополучие его подданных. „Положим—рассуждал Марков—что законы монаршие... пременны, что многому числу их быть должно, но притом вдруг и вообразим, что из сего произойти может. Из того выйдут сии следствия: не должен-ли государя от подданных лишиться принадлежащего к несравненной его персоне почтения? не должны-ль... и подданные придти в отчаяние и представлять во всяких случаях надежду свою поколебленную сомнениями?» Ведь не для того-же составлялись раньше и сочиняется вновь Уложение законов, чтобы эти последние были изменчивыми; нет, перемена законов имеет целью только исправление и усовершенствование их недостатков [1]). И так, хотя законы и представляются купечеству простою милостью самодержца к его подданным, однако для блага самого-же государя и его подданных, законы и права должны быть прочны и непоколебимы, а изменять их следует только для улучшения и исправления, а не из-за личного каприза государя. В этом деле улучшения законодательства купечество и возлагает надежды не только на доброту монарха, но и на стойкость и разум своих депутатов. В головах, по крайней мере, некоторых из представителей этого сословия бродила уже мысль о государстве, основанном на законности и участии выборных в управлении и законодательстве, но мысль эта была еще слаба, недодумана до конца и купечество с трудом пыталось примирить ее с своими стародавними взглядами на государственное устройство и на самодержавную власть царя.

XIII.

Вопросы управления, суда и законодательства в заявлениях избирателей и в суждениях депутатов от казаков, однодворцев, старых служб служилых людей и крестьян разных наименований.

Сельские избиратели и депутаты от казаков, однодворцев, старых служб служилых людей и крестьян разных наименований касались вопроса о полити-

[1]) Т. 93. ст. 84, 368. Т. 107, ст. 329. т. 114. ст. 281. т. 93. ст. 302. наказ Норской слободы. Ср. стр. 344. т. 8 ст. 205, т. 36. ст. 293.

ческом строе России в отношении организации управления, суда и законодательства далеко не так часто и так подробно, как дворянство и купечество в своих наказах и в выступлениях своих депутатов. Так из своего представления о сущности самодержавия казаки выводили заключение, что изданные самодержцами законы святы и ненарушимы для подданных, которые вообще не имеют права их касаться без особого каждый раз повеления верховной власти. По поводу, напр., наименования в законе дворянского сословия „благородным"—казачий депутат Анцыферов заявил Комиссии, что хотя он и не имеет ничего против такой замены по существу, но „без особливого на то от е. и. в. соизволения, яко в отмену прежних монархов. узаконений,... собственного согласия подать не смеет" и затем прибавил: „государь есть самодержавный, то и законы его должны быть святы и ненарушимы." Депутаты „собраны к... обязательству народа, а не государя," изменение-же законов находится единственно в воле государя и высшего правительства. Это последнее должно „милостиво рассудить," какие из желаний и просьб подданных не противны закону, что-же касается до сочинения проекта Нового Уложения, то казаки „повергают себя в высочайшее е. и. в. матернее соизволение" и какое Уложение „для всего государственного общества и пользы утверждено и освящено будет, оное зависит от высокого соизволения." Депутат-же должен только не пропускать с своей стороны, откуда могут произойти „добрые плоды для общества," его избравшего; „излишества истреблять, а недостатки дополнять, ища общенародной пользы и благоденствия единственно своему обществу." Это тем более необходимо, что, считая самодержца источником всякой власти и закона, казаки видели, что население, особенно население отдаленных окраин, „порабощено разным многоначальством," которое „обыкновенно всякую правду и человеческое состояние от высоких правительств скрывать дозволяет." Депутаты должны открыть глаза государю и высшему правительству на истинное положение его подданных, устранить это средостение „многоначальства" между монархом и народом. Некоторые казачьи депутаты предлагали даже учредить особых инспекторов-ревизоров, которые посылались бы в провинцию для собирания сведений на местах о нуждах населения и для наблюдения за исполнением законов, правосудием и администрацией, чтобы высшая власть знала непосредственно потребности провинции, а „народное общество, в случае затмения правды,—разной неполезности и бедному приключению подвергаемо не было." Этим ревизорам придавалось при этом такое важное значение, что от исправного исполнения ими должности „будет зависеть целость всего государства" [1]). Так, представлялись казачеству права верховной власти и устройство правительства при самодержавии.

Среди однодворцев и старых служб служилых людей преобладало почти такое же отношение и к монарху и к организации различного рода государственных учреждений. Считая государя единственным источником законодательной власти, они и на своих депутатов смотрели прежде всего, как на ходатаев или ходаков о нуждах и недостатках того общества, откуда были избраны. Особенно ярко сказалось такое понимание роли депутатов в словах однодворца Веденеева, который выступление своего сотоварища Маслова в пользу ограничений помещичьей власти над крепостными—истолковал, как превышение и нарушение

---

[1]) Т. 36. ст. 295. т. 32. ст. 296 слова Тамбовцева. Т. 8 ст. 254. мнение Анцыферова, с которым согласились многие казачьи депутаты. Т. 115 ст. 521 и 469. ср. ст. 491. т. 134. ст. 427 Пункты от якутских казаков. Т. 32. ст. 373—374. мнение Анцыферова, Ibid ст. 460 и следующие тоже.

депутатских полномочий. По мнению Веденеева, Маслов, по данной ему „от общества однодворческого доверенности“ должен „представлять нужды тех мест, откуда выбран.“

Будучи депутатом „от одного звания однодворческого“, он не имеет права „от собратий своих без согласия“ касаться недостатков других сословий; делая так, он „вступает в постороннее“ своему званию, „оставя общество однодворческое, чем бы оное при теперешнем новом узаконении... во всем исправилось“. Отношение между помещиками и крепостными—область ведения не однодворческих, а дворянских депутатов, которые и постараются о выяснении этого дела по чистой совести. Что-же касается предложенного Масловым проекта об устройстве крепостных крестьян, то об этом в Большом Наказе не упоминается, поэтому „он, депутат Маслов, не сообразуя высокомонаршему соизволению, не понявши силы предписанного депутатам закона, не упоминая общества своего о названии, все то почтенному собранию своим мнением принес, хотя единожды, но излишне, в чем впредь ему, депутату... поступать осмотрительно, да и не без согласия—одному“. Правда, злоупотребления помещичьей властью, указанные Масловым, бывают, но „той их погрешности, как ныне, так и во-втором страшном Христовом пришествии, не ему, Маслову, соответствовать, но каждый от своих дел или прославится, или постыдится. Во всех же сих происходимых пристрастиях при теперешнем знаменитом законоустановлении, которого ожидает каждая христианская душа, виновница всех благ и каждому роду установить потщится великая государыня, а не он, депутат Маслов“ [1]). Итак, каждый депутат должен стараться только о защите сословных интересов своих избирателей, не выходя из рамок данного ему полномочия; он тем более не должен предлагать мер, которых от него не требует верховная власть, не должен осуждать злоупотреблений лиц прочих сословий, ибо это—дело их совести, наконец, не должен похищать у верховной власти ее права—заботиться о благе и установлении законов „каждому роду“.

Однако среди однодворческих депутатов, по крайней мере после того, как они вполне осмотрелись в Комиссии, восторжествовал иной, более широкий и зрелый взгляд, как на свои обязанности, так и на отношение депутатов в верховной власти. Выразителями этого взгляда явились в Комиссии депутаты Давыдов, Жеребцов и Маслов. Но и другие однодворческие представители дружно присоединились к ним, когда председатель Комиссии Бибиков сделал попытку провести без прений законопроект о дворянских правах; тогда однодворцы подали ему общее заявление, прося дать возможность обсудить проект, причем высказали весьма замечательный по тому времени взгляд на то, какими должны быть законы вообще и каковы обязанности депутатов при решении общегосударственных вопросов. Если—писали 12 однодворческих депутатов—проект этот „сходственен с положением нашего государства и, что больше, ежели согласен с естественным рассуждением, то подтвердим и постановим оный непоколебимым. А если, напротив того, найдем в нем что нибудь такое, которое для всего отечества и общего спокойствия может быть вредно или чего недополнено, о том подать нам свои примечания“. Таким образом, роль депутатов рисуется теперь однодворцам и старых служб служилым людям уже совсем в другом свете, чем раньше. Депутаты не только могут, но и должны вмешаться в обсуждение дела, касающегося высшего дворянского сословия, причем это дело должны об-

---

[1]) Т. 32. ст. 535—536. ср. наказы в т. 115. ст. 23, 26, 77, 98, 118, 168, 173, 217 и т. 114, ст. 321.

судить не с своей однодворческой сословной, а с общегосударственной и даже общечеловеческой точки зрения („естественное рассуждение"). Депутаты должны следить, чтобы закон не содержал в себе какого-либо вреда для „всего отечества" и для „общего спокойствия", соответствовал-бы „положению государства" и здравому смыслу; только такой закон они „подтвердят и постановят непоколебимым", всякий-же иной постараются улучшить, чтобы он удовлетворял выставленным требованиям. Иначе говоря, обязанность депутата сводится уже к участию в законодательстве, улучшению и утверждению законов в интересах всего государства, а не одного сословия. В этом духе и высказывались отдельные депутаты по разным случаям [1]).

В области сословного самоуправления однодворцы опирались на старину, думали о ее восстановлении: „выбирать из... градских жителей, тако-ж в деревнях и селах,—писал депутат Веденеев—однодворческого звания по прежнему обыкновению, как то не во многопрошедшем времени отменено, между нами людей добрых и неподозрительных: сотских, пятидесятников и десятников... и выгодами, какие от... государыни по свойству положения каждого места узаконены будут, пользоваться дозволить". Во исполнение-же обещания Большого Наказа „всякого человека судить через равных ему, установить в городах формальный, а в селах ...словесные суды выбором из... однодворцев, людей к тому достойных". Об этом постоянно говорили избиратели—однодворцы в своих наказах, и их мысли были подробно развиты депутатами в целые проекты. Депутат Давыдов рисовал себе самоуправление в виде правильной сети городских и сельских выборных комиссаров, которые защищали-бы население от обид, разорений и отягощений и „о всем обществе, как добрый хозяин в своем доме, имели попечение и наблюдение". Проект Давыдова предполагал возложить на выборных людей заботы о материальном и нравственном благе однодворцев, дать им в руки суд, администрацию и полицию, так чтобы уездные назначенные власти совершенно не касались внутренней жизни сословия. Депутат Фефилов предлагал еще дополнить проект Давыдова, возложив на земских комиссаров заботы о неприкосновенности однодворцев, защиту их от произвольных арестов, от вымогательств проезжих чиновников и военных, производство рекрутского набора, заботу о соблюдении праздничных дней и наблюдение за сохранением лесов [2]).

Таким образом, подобно дворянам и купцам, однодворцы также очень большое значение придавали сословному самоуправлению и предпочитали своих выборных и подотчетных сословных должностных лиц назначенным сверху чиновникам. Что-же касается центрального, государственного управления, то о нем однодворцы, повидимому, мало думали: по крайней мере не только в наказах, но даже и в речах однодворческих депутатов мы не встречаем указаний на этот счет.

Государственные крестьяне и их депутаты, стоявшие на самой нисшей ступени социальной лестницы той России средины XVIII в., которые призваны были к участию в составлении нового Уложения, держались. конечно, весьма примитивных взглядов на систему законодательства, суда и управления. Они не умели или может быть даже и не смели касаться вопросов большой обще-

---

[1]) Т. 32. ст. 173—174. интересно, что в числе подписавшихся значится и Веденеев. Ibid. ст. 467. Т. 36. ст. 173—174, 331. Т. 14. ст. 166.

[2]) Т. 32. ст. 537. Passim см. особенно т. 115. ст. 12 и 195. Т. 14, ст. 165—170. ст. т. 32, ст. 368—369 мнение Кипенского и т. 115, ст. 301. Наказ г. Шацка пункт 12—о депутатах от однодворцев в суде. Т. 14. ст. 186—188.

государственной важности и полагали, что все должно исходить от воли рачительного и благожелательного к своим подданным монарха. От этой заботливой и всесильной власти крестьяне жаждали исправления всех зол „бедного народа“; но для этого необходимо иметь к ней свободный доступ. Непосредственное общение самодержца с широкой массой населения мыслится крестьянами в виде безпрепятственно-осуществляемого мирского ходачества. Выборные, излюбленные, доверенные мирские люди ходоки—депутаты представляют на рассмотрение самой верховной власти нужды и отягощения каждого мира, а власть, входя в рассмотрение обстоятельств каждого ходатайства, разрешает мирские просьбы к общей пользе „труждающихся и обремененных“. От этих распоряжений самодержца, который каждый раз особо восстановляет нарушенную справедливость и утоляет пролитые ходоками мирские печали, а вовсе не от нового законодательства, ожидают крестьяне облегчения участи рабочего народа. С этой точки зрения взглянули они и на созыв Екатериною II депутатов в Комиссию о сочинении Нового Уложения. Последняя сама по себе мало интересовала их; она представлялась им смутно, как какое-то особое место, где все мирские ходоки—депутаты сойдутся вместе и пред‘явят свои ходатайства на разрешение непосредственно самой государыни, а она уже, по своей самодержавной власти, будет налагать на эти прошения свои резолюции. Комиссия представляется рядовым крестьянам не как учреждение для выработки нового законодательства, а просто, как место общения подданных с верховной властью. Некоторые эту роль отводили сенату и сообразно с этим толковали все предприятия Екатерины: она „самодержавной своей властью и матерним попечением, милосердуя о... верноподданных“, повелела им „через погостных, уездных, а также и провинциальных депутатов прислать в сенат на рассмотрение и выслушание е. в. народские крайние нужды и... недостатки каждого места“ [1]).

Лучшим порядком управления для себя крестьяне признают обычный мирской строй при полном невмешательстве в их внутренние дела общей администрации, назначенных чиновников. Расширение и развитие мирского самоуправления составляет один из главных предметов желаний государственных крестьян: об этом говорят их наказы, об этом-же ходатайствуют в Комиссии „предстоящие... депутаты в лице всего народа“. Государственные крестьяне желают „в уездах и волостях иметь своих правителей из местных достойных крестьян с тем, чтобы при них были и земские достойные люди для разбирательства словесным судом в небольших делах“. Поэтому следует „отменить всех правителей дворцовых, экономических и пр. государственных крестьян, а вместо них возложить исправление их должности... на старост, выборных и земских достойных людей, поручив им-же ведение приходных и расходных книг, раскладку и сбор податей; считать их должны будут те обыватели, которые участвовали в их избрании, и сменять их погодно“. С установлением такого самоуправления крестьяне избавляются от убытков и разорения, причиняемых им чиновниками, а все „отечество“ получит „немалую пользу“. „Выборы этих старост следует производить погодно, по удостоверению мирских людей, кого они признают наиболее правосудными из первостатейных, семейных, неподозрительных, грамотных или неграмотных людей, достойных и неглупых и приводить их прежде к присяге. Эти люди, по способности и ближайшему сведению качеств всякого в своей волости, могут сделать много полезного“. Депутат Чупров находил необ-

---

[1]) Т. 32. ст. 537. см. особенно т. 115. ст. 12 и 195, т. 14. ст. 165—170 ср. т. 32 ст. 368—369 мнение Кипенского. Т. 114. ст. 301 наказ Шацка о депутатах.

ходимым этим выборным старостам поручить также надзор за добронравием и работою жителей [1]). И так, вся жизнь крестьянина должна протекать под неусыпным бдительным оком мира и его излюбленных старост. Основою этого мирского строя жизни и непременным условием исправного отбывания своего общественного долга крестьянство считало землю, земельный надел, без которого и самое существование особого земледельческого сословия казалось немыслимым.

XIV.

Итоги: степень политической зрелости различных сословных групп русского общества средины XVIII в.

Перед нами прошли длинной вереницей представители различных социальных слоев населения России средины XVIII в. Они раскрыли нам свои мысли и проекты о лучшем устройстве государства и общества. Но, изучая эти сословные пожелания свободной части населения Российской империи времени Екатерины II, невольно подводишь их под известную формулу философско-исторической системы Карла Маркса: „не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание". Действительно, чем выше был удельный вес хозяйственного положения в государстве того или иного сословия, тем больше политических прав оно для себя требовало и тем явственнее отпечетливалось в его сознании чисто классовое устройство государства с разнообразной системой учреждений в сфере законодательства, суда и управления. С другой стороны, чем меньше влияния в экономической структуре тогдашней России играла какая-либо общественная группа, т. е. чем слабее было ее хозяйственное бытие, тем примитивнее были ее воззрения на власть, государство и общество, тем меньшей отточенностью и дифференциацией отличалось ее политическое сознание. С этим экономическим масштабом в руках мы лучше всего можем измерить расстояние, пройденное Россиею 60-х годов XVIII в. со времени Петра Великого, и вывести свое заключение об уровне политического развития избирателей и депутатов в Комиссии 1767 г. и о степени их гражданской зрелости. Мы ни тех, ни других не станем оправдывать или обвинять, мы только будем констатировать определенный факт, ставя его в тесную, неразрывную связь с реальным соотношением современных ему исторических сил.

Экономика русского государства времени Екатерины II во многом напоминала хозяйственные порядки XVII в.; вот почему и политические понятия громадного большинства русского общества в момент созыва Законодательной Комиссии отражают в себе явления Московской старины эпохи непосредственно следовавшей за смутой. В политических и общественных воззрениях русских людей всех сословий во множестве продолжают еще жить, а местами—и господствовать, понятия и представления, унаследованные от дедов, освященные стародавним обычаем; корни их глубоко уходят в древне—московский государственный и общественный уклад, от них часто веет XVII веком, временами первых Романовых, временами земских соборов. Таковы взгляды Екатерининских сословий на царское самодержавие, на отношения подданных к государю, на прикрепление их к своему сословию и занятию, на роль депутатов и участие выборных от сословий в общегосударственных делах.

---

[1]) Т. 4 ст. 130. мнение депут. от старокрещенцев из татар Казанского уезда Иван Алексеев. Т. 8. 202—203. проект деп. Жеребцова. Ibid. стр. 212. мнение Ковалева. ст. 221—222. мнение Старикова. Т. ст. 102. ср. ст. 82 и 130 мнение Алексеева. В наказах—passim см. 115 и 123 т.т.

Но сквозь толщу этих политических воззрений, унаследованных от предков, пробиваются ростки новых понятий о гражданине и его свободе, о законности и контроле выборных над администрацией, о равенстве всех перед законом, о предпочтительности личных заслуг перед породою, о естественных правах человека, о необходимости подчинять личные выгоды и частные интересы благу всего общества, высшим интересам государства. Это сплетение старины с новизной, пережитков прошлого с зародышами будущего, замечается во всех сословиях, но не в одинаковой степени и в различных сочетаниях. В мире политических представлений наиболее передовым сословием было, конечно, дворянство. Оно вплотную подошло к мысли о правовом государстве, хотя эта мысль в его голове затуманена политической ролью, которую оно играло при преемниках Петра Великого, ролью, которая превратила его в правящий класс, на деле ограничивший в свою пользу императорское самодержавие. Поэтому мысль о правовом государстве у дворян густо окрашена в узко-сословный цвет, отравлена духом кастовой исключительности, высокомерной нетерпимости и глубочайшого презрения к простому народу, к „подлости". Правового порядка дворяне жаждут только для себя, мыслят его исключительно дворянским, сословным. Для „благородных" должна существовать свобода—и от обязательной службы, и от позорного наказания, и от произвола администрации; им должны принадлежать широкие права участия в управлении государством.

Дальнейшее развитие политической мысли русского общества состояло в демократизации этих понятий, выработанных сначала в дворянской среде в переработке их в духе распространения гражданских прав с „благородных" на „подлых", уравнения тех и других перед законом, в постепенном превращении узко-сословных дворянских привилегий в общегражданские бессословные права. Зачатки такой переработки легко заметить уже в век Екатерины II в политических воззрениях дворянского меньшинства и недворянского большинства русского общества. В противовес стремлению дворянской мысли к монополизации гражданских прав в пользу одного лишь высшего „благородного" сословия, „подлые" люди усиленно настаивают на уравнении, на подчинении одному закону, на справедливом распределении прав между всеми сословиями, на „честности" всех званий, на преклонении всех перед государственной необходимостью, перед общественным благом. И замечательно, что чем ниже сословие, чем более оно обижено судьбою, тем слабее в нем дух сословной исключительности и тем ярче горит в его сознании мысль о всеобщности гражданского долга перед отечеством, о необходимости и спасительности жертвы личным благополучием во имя блага целого. Государственный смысл светится в воззрениях „подлого" народа, может быть, чаще и ярче, чем во взглядах „благородного" сословия, отуманенных жаждою политического господства. Но зато в среде неблагородных сословий гораздо труднее уживается мысль о правах и свободе гражданина с идеей о самодержавии государя. Народная масса более склонна пожертвовать свободой гражданина, сохранив в неприкосновенности свободу государя. Дворянство думало о свободе только для себя и рабстве для других, думало о политической свободе без социального равенства, а народная масса—о социальном равенства без политической свободы... Понятно почему: низшим сословиям всесилие самодержца кажется лучшей гарантией против власти богатых и сильных, против господства дворянства и его угнетения. Дворяне видят в самодержце союзника против покушений „подлых" на их привилегированное положение, на их власть над народом. Они признают царское самодержавие, но

хотят, чтобы оно было дворянским. А широкая масса, напротив, видит в самодержце единственного спасителя от засилья дворянства, а в некоторых случаях—и купечества. Так различно понимается и ценится самодержавие на вершине и у подножия русского общества: там оно считается оплотом аристократизма в политическом и общественном укладе, а здесь—опорой демократии,—униженных, трудящихся и обремененных.

Подобно этому с разных сторон представляется верхам и низам общества и краеугольный камень социального быта Екатерининской России—крепостное право. Дворянство видит в нем политическое учреждение, „подданство" „подлого" „благородному", оно ценит в этом „подданстве" не только экономическую выгоду, но и господство над населением, власть над душею и телом крепостного. Другие-же сословия смотрят на крепостное право, как на явление, главным образом, экономическое. Купцы ценят в нем силу, дающую дешевые рабочие руки и полновластие хозяина над работником, почему и хотят приобщиться к его выгодам. Однодворцы и часть казачества, считая крепостной труд государственной необходимостью, связывают с ним исправное отбывание военнослужащими их повинности; крепостной труд кажется им экономической основой боеспособности военных сословий. Государственные крестьяне живее других представляют себе крепостное право особым укладом труда и хозяйства; не умея вообразить государство совершенно без этого уклада, они видят корень зла, главным образом, в чрезмерном отнятии у крепостного плодов его труда и это зло думают устранить установлением уровня эксплоатации крепостного труда со стороны помещика.

Таким образом, дворянство взглянуло на крепостное право преимущественно с политической стороны, а прочие сословия—особенно низшие,—с экономической. В сознании дворянства политическое самодержавие неразрывно связано с социальным, одно рабство держится на другом и порознь не могут существовать. В мыслях остальных сословий такой связи нет; самодержавие государя, по их мнению, отнюдь не означает господства дворянства над народом, и даже как раз наооборот. Для „благородных" вопрос о крепостном праве есть вопрос о политическом строе России, а отсюда далее—о ее целости, могуществе и славе; для „подлых"—это вопрос о складе народного хозяйства, о необхоцимости принуждения народа к труду. Но целость, могущество, славу России они связывают не о крепостным правом и не с господством „благородных", а с всеобщим обязательным, упорным трудом всех сословий на пользу отечества. Однако, как свободу гражданина они затрудняются совместить с самодержавием, так свободу труда—с этой трудовой государственной повинностью, с тяглым строем всего общества. Для одних крепостное право—орудие политического и социального господства, для других—государственная необходимость, неизбежное ярмо, тягло, особый печальный, но неустранимый жребий части земледельческого люда. „Благородные" должны господствовать в России, „следовательно—крепостное право необходимо,"—думали дворяне. „Все обязаны трудиться—служить России, следовательно,—без крепостной зависимости не обойтись," думали „подлые" люди Екатерининской России. И лишь немногие светлые умы из той и другой среды осмеливались громко клеймить крепостное право, как позор человечества, и гласно заявлять, что Россия в нем не нуждается. Но голоса их были еще одиноки и заглушались шумом многоголовой толпы, думавшей по старине и державшейся вековых обычаев.

7-го мая 1923 г.
Москва.

Профессор В. Бочкарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОКТЯБРЬ“

Телеграфн. адрес: Тверьиздат.
Тверь,—Советская, 45.
Телефоны №№ 533, 569 и 7.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Проф. В. Н. Бочкарев.

ОЧЕРК РУССКОЙ ИСТОРИИ.

„Очерк Русской Истории“ проф. Бочкарева особенно ценен тем, что здесь автор, применяя к изучению прошлого России метод научного марксизма, уделяет наибольшее внимание, как пишет он сам,—„явлениям экономического порядка и процессу классовой борьбы в исторических судьбах России. Смена политических форм, равно как и идеологическая структура русского общества поставлена им в тесную связь с экономикой и социальной динамикой.“ И на этом пути им достигнуты значительные результаты.

Книга является особенно ценной и представляет большой интерес не только в качестве пособия в учебных заведениях, но и для каждого интересующегося прошлым России для самообравания. Форма лекций сохранена автором очерка и это значительно облегчает работу учащегося“.

(*„Тв. Правда“ № 145*).

Стр. 156, цена 85 к.

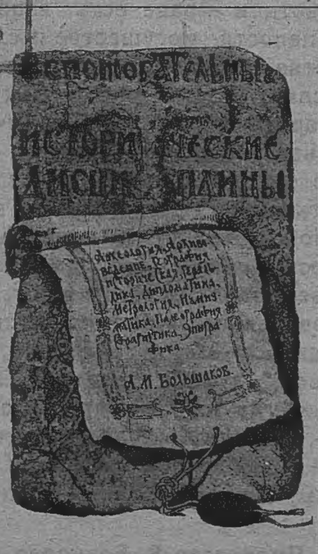
Проф. А. М. Большаков.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ.

Археология, Архивоведение, География историческая, Геральдика, Дипломатика, Метрология, Нумизматика, Палеография, Сфрагистика, Эпиграфика.

„Книга дает в сжатом и популярном изложении сведения об основных понятиях каждой археологической дисциплины и ее содержании... На русском языке вовсе не существовало такого пособия. Для самообразования эта книга—незаменимое руководство, способное пробудить интерес к серьезному и детальному изучению археологических дисциплин... Рекомендуем эту книгу как хорошее и полезное руководство по археологии. Ценность ее увеличивается тем, что в конце она сообщает литературу по каждой в отдельности археологической дисциплине“.

(*„Летопись Краеведения“, вып. 1*).

Стр. 126, цена 70 коп.
Второе издание.

Гублит. № 697. Тверь. Вторая Гостипография. Тираж 3.000 экзем.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ:

25 лет Р. К. П. (б.). Сборник. Стр. 283. Цена 70 к.

Путь „Правды“. Второе издание. Материалы и воспоминания по истории газеты „Правда“. Стр. 218. Цена 35 коп.

Л. Мишель.—„Коммуна“. Стр. 334+XXXV. Цена 1 р. 60 к. (изд. разошлось).

Б. Гусман.—„Сто поэтов“. Стр. 291+XXIX. Цена 1 р. 50 к.

А. Ган.—„Конструктивизм“. Роскошное издание. Красочная обложка конструктора Родченко. Цена 50 к.

Альманах.—**„О театре“.** Участники: Б. Арватов, И. А. Аксенов, В. Блюм, О. Блюм, Эм. Бескин, А. Ган, М. Загорский, В. Раппопорт, Л. Сабанеев, В. Тихонович, Б. Фердинандов. (Издание разошлось).

Варшер.—Английский театр времени Шекспира. Цена 5 к.

Е. Игнатов.—Начало русского театра. Цена 5 к.

М. Козырев.—„Вандея“. (Инсцен. романа Гюго „93-й год“). Цена 10 к.

„ „Декабристы“. (Инсцен. романа Мережковского). Цена 10 к.

Лопе-де-Вега.—„Овечий ключ“, пьеса. Перевод Бальмонта. Цена 10 к.

Гуцков.—„Уриэль Акоста“, пьеса. Цена 10 к.

С. Родов.—„Стальной Строй“. Стихи 1921—1922 г.г. Стр. 80. Цена 50 коп.

Проф. Циллер.—„Венерические болезни“. Пособие для врачей и студентов. Перевод с последнего Лейпцигского издания. Издание иллюстрировано. Стр. 184. Цена 60 к.

Новый хирургический архив, вышли 10 книг. Цена 1 руб. кажд.

Врачи Василевские.—„Проституция и Новая Россия“. Стр. 85. Цена 30 коп. (изд. разошлось).

Тех-же авторов—Суд над самогонщиками. Инсценировка. Стр. 52. Цена 15 к.

„Смена Вех“.—Пражский сборник. Цена 25 к.

Земельный кодекс Р. С. Ф. С. Р.—(свод законов о земле). Стр. 74. Цена 25 к.

М. Невский.—„На зеленый простор“. Ботан. экскурсии. Стр. 94. Ц. 40 к.

С. А. Унковская.—Букварь „Первая Зимка“. 31 иллюстрация, прописи. Цена 10 к.

И. Степанов.—Беседы о вере. 70 стр. Цена 3 к.

ЦЕНЫ УКАЗАНЫ В ЗОЛОТЕ.

Госучреждениям, партийным и профессиональным организациям, клубам, избам-читальням и библиотекам книги высылаются без задатка, наложенным платежом, по получении официального заказа. Заказы от частных лиц исполняются по получении задатка в размере 25% стоимости.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОКТЯБРЬ"
Тверь